

Глава 12

ОТРЕЧЕНИЕ

Блуждающий поезд. — Высшее командование и революция. — Первая «попытка Рузского: вечер 1 марта. — Родзянко отклоняет царские уступки: раннее утро 2 марта. — Вмешательство генералитета. — Эмиссары Думы: Гучков и Шульгин. — Подписание акта об отречении. — Непосредственные результаты отречения. — Мораль драмы.

§ 1. Блуждающий поезд.

Чтобы понять, как и почему менялось отношение Алексеева к революции между 28 февраля и 2 марта, вернемся к тому, что происходило в Могилеве. Император приехал в Ставку 23 февраля, и «спокойная жизнь», о которой говорит в своем дневнике генерал Дубенский, продолжалась приблизительно до 25 февраля. Конечно, из того, что писала императрица, из сообщений министра внутренних дел, военного министра и начальника Петроградского военного округа царь знал о беспорядках и демонстрациях. На широкое, но неорганизованное брожение указывали все, однако и полиция, и правительство были уверены, что с ним удастся справиться. 26 февраля царь, очевидно, счел, что дело слишком затянулось, и послал генералу Хабалову известную телеграмму с приказом немедленно прекратить беспорядки. 27-го в Ставке была получена телеграмма о мятеже в гарнизоне, но при этом сообщалось, что верные войска действуют решительно и что контроль над положением сохраняется полный¹.

И лишь около 8 часов вечера 27 февраля сообщения из военного министерства стали тревожны. В них говорилось о том, что мятеж ширится, что начались пожары, что Хабалов совершенно потерял власть над городом, что необходимо срочно послать действительно надежные войска, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в разных частях города. Пришли, кроме того, три телеграммы от императрицы, далеко не успокаивающие. В одной из них говорилось даже о необходимости пойти на уступки². Непрерывной чередой сыпались адресованные императору срочные послания от председателя Думы. Тон их был чуть не слезный по преданности, но докучали они все одним — надо назначить премьер-министра, «пользующегося народным доверием». Эти призывы, однако, не произвели ни малейшего впечатления. Да и неудивительно, ведь в последнее время Родзянко слишком часто кричал «волк, волк». Отчаявшись добиться какого-нибудь эффекта, Родзянко пошел на беспрецедентный и неконституционный шаг — обратиться за

политической поддержкой непосредственно к военному командованию. Так начался нажим на генералов со стороны Родзянко, и это серьезным образом повлияло на характер их действий в дни отречения. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский исполнил просьбу Родзянко и послал императору телеграмму, в которой говорилось о необходимости «срочных мер». Кроме того, Рузский вполне определенно высказывался против репрессий, ибо не верил в их действенность и считал, что они лишь до крайности обострят положение³.

Непосредственное окружение императора в Ставке ожидало от него двух вещей: четких указаний, как действовать в связи с мятежом в Петрограде, и программного заявления, которое успокоит страну и хотя бы временно удовлетворит либералов, от которых в большой степени зависело обеспечение транспортом и снабжение армии. По первому вопросу император бесспорно дал начальнику Генерального штаба точные приказания. Вопрос отправки надежных войск с Северного и Западного фронтов решен был поздним вечером 27 февраля, а соответствующие приказы переданы генералам Рузскому и Эверту. Немедленно началось движение войск по двум параллельным железнодорожным путям, ведущим в Петроград. В то же время назначен был своего рода диктатор, в звании главнокомандующего Петроградским военным округом, с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров. На этот пост император, по совету некоторых приближенных из свиты, назначил генерала Иванова, который был тогда одной из самых красочных фигур российского верховного командования.

Иванов, происхождение которого несколько темно (говорили, что он сын сибирского каторжника), сделал блестящую военную карьеру. Во время войны он командовал Юго-Западным и Западным фронтами. Его лояльность и преданность царю были вне сомнений, несмотря на то, что в 1915 году он очень ругал петербургское начальство за недостаток оружия и боеприпасов в армии. Он был популярен среди солдат, с которыми обращался по-свойски, с отеческой строгостью. В 1906 году, во время подавления Кронштадтского восстания, он показал себя безжалостным приверженцем дисциплины. Но теперь и он, как многие в Ставке, разделял ту точку зрения, что наведение порядка при помощи армии должно сопровождаться примирением царя с думской оппозицией и общественными организациями на базе «правительства народного доверия».

Четких инструкций у Иванова не было. Это важно отметить, потому что тут же пошли слухи о «карательной экспедиции генерала Иванова». Для всех в Ставке было очевидно, что порядок в столице может быть восстановлен только с помощью

надежных воинских частей. Это не значит, однако, что их собирались использовать в широких карательных операциях. Силы, брошенные 28 февраля на Петроград, были ограничены⁴. Никто из фронтовых начальников не согласился бы ослабить свои позиции, отсылая большое число людей в тыл на решение внутривойсковых проблем. Надеялись, что несколько дисциплинированных и надежных частей произведут в столице нужный психологический эффект, не проливая лишней крови и не прибегая к настоящим военным действиям. Таков был смысл приказа, отданного генералом Алексеевым в ночь с 27 на 28 февраля, в этом приказе главнокомандующим Северным и Западным фронтам предлагалось отправить в столицу надежные части. Они должны были без задержек проследовать в Царское Село и поступить под начало генерала Иванова тут же по его приезду. Прощаясь с императором, генерал Иванов еще раз попробовал затронуть вопрос конституционных уступок, но получил уклончивый ответ.

Это возвращает нас ко второй проблеме, разрешения которой ждали все, кто был с царем 27 февраля, — к проблеме политической. Никого в Ставке не удовлетворял отказ Николая II связать себя определенным решением до возвращения в Царское Село. Многие полагали, что необходим немедленный манифест. 27 февраля были получены телеграммы в этом смысле от Рузского и Брусилова, не раз с тем же торопил Алексеев. Вечером 27-го известия из Петрограда стали тревожнее. Заместитель дворцового коменданта граф Бенкендорф по прямому проводу из Царского Села запрашивал Воейкова, не следует ли императрице с детьми сейчас же уехать. Это произошло около 10 часов вечера. Вдобавок ко всему, была еще забота о детях, болевших корью, и это заставило императора ускорить отъезд. Приказано было на случай нужды держать для императрицы наготове поезд в Царском, но передать ей велено было только то, что сам император выедет в Царское Село той же ночью.

Генералы Ставки, как представляется, были против отъезда именно в Царское и не стремились его ускорить⁵. Продвижение царских поездов сопровождалось определенными трудностями. За отрядом Иванова должны были следовать части с Северного и Западного фронтов. Поэтому ожидалось сильное движение на южном подъезде к Петрограду. Кроме того, скорость двух императорских поездов А и Б была ограничена, а правила безопасности, предписанные для их передвижения, были очень строги. Чтобы не мешать движению на прямом пути из Могилева на Петроград, царские поезда должны были идти длинным кружным путем через Смоленск, Вязьму и Лихославль, к Николаевской железной дороге. Оттуда взять направление на Тосно и затем повернуть на Царское Село.

Около 10 час. 30 мин. вечера 27 февраля великий князь Михаил Александрович связался с Алексеевым, предлагая себя в качестве временного регента, если только брат его даст на это согласие. Великий князь, кроме того, советовал императору отложить возвращение в Царское Село. Все это император вежливо, но твердо отклонил и подтвердил свое решение покинуть Могилев. Потом пришла телеграмма от Голицына. Голицын просил немедленно распустить кабинет и назначить «лицо, пользующееся народным доверием», которое и сформирует новое правительство. Алексеев вновь использовал всю силу убеждения, чтобы добиться от императора какой-либо реакции по этому поводу, но единственным результатом всех его усилий оказалась посланная царем телеграмма министрам, в которой он приказывал им оставаться на своих постах и сообщал о назначении в Петроград военного диктатора. Несмотря на ясный приказ царя немедленно отправить телеграмму по прямому проводу, несмотря на предупреждение, что это решение окончательное и непреложное, Алексеев встал с постели (он лежал с высокой температурой) и отправился «на коленях» умолять его величество принять предложение Голицына. В час ночи 28 февраля, когда император уже готовился перебраться в поезд, Алексеев явился опять с последними известиями из Петрограда: Хабалов не в состоянии был исполнить полученный приказ и восстановить в городе порядок. Ясно было, что революционное движение быстро расширяется. После 2-х часов ночи император, уже в поезде, принял Иванова. Во время этого последнего свидания он будто бы и обронил те слова, из которых возникла потом легенда, что царь именно там и тогда решил пойти на уступки конституционного характера.

Литерные поезда покинули Могилев один в 4, другой в 5 часов утра, все пассажиры спали. До сих пор неясно почему, но Иванов переложил свой отъезд на вторую половину дня. В первый день путешествия не произошло ничего, нарушающего обычную рутину. Рано утром поезд пришел на станцию, где в это время стоял воинский эшелон. Ехавшие на фронт солдаты встретили царя обычным «ура», между тем как в свите сомневались шепотом, не в последний ли раз доводится им присутствовать при подобной встрече. Во всяком случае так позднее передавал один из них. Впрочем, к описаниям этих дней, даже самым честным, следует относиться очень осторожно, ибо все они неизбежно искажаются ретроспективой.

В поезде сменялись официальные представители губерний, через которые проходил царский путь. В губернских городах местные власти выходили встречать императора, и он давал короткие аудиенции губернаторам. Несмотря на то, что в присутствии царя никто в поездах политике не говорил, он не был в неведении

относительно растущей опасности, которая грозила ему и его семье в Царском Селе; очевидно, губернаторы ставили его в известность о тех новостях, которые получали сами. При встрече с генералом Рузским на следующий день во Пскове царь удивил его знанием положения.

Около 4 часов пополудни, во вторник 28 февраля, до поезда Б, в котором ехала императорская свита, дошли известия о том, что сформировано какое-то временное правительство и что думский депутат Бубликов, захватив министерство путей сообщения, передает по железнодорожной телеграфной сети подписанные Родзянко воззвания. Затем пришел приказ, отправленный с Николаевского вокзала в Петрограде, изменить маршрут императорских поездов и направить их прямо в Петербург, минуя передаточную на царскосельский путь станцию Тосно⁶. Свита, ехавшая в поезде Б, который шел впереди царского поезда, решила известить дворцового коменданта Воейкова, ехавшего в поезде А, что надо изменить курс на станции Бологое, на полпути между Москвой и Петроградом, и оттуда направляться в Псков по второстепенному пути; штаб Северного фронта возьмет поезд под свою защиту. Однако Воейков отвечал, что поезда должны во что бы то стало попытаться добраться до Царского Села через Тосно. В ночь на 1 марта поезда прошли еще около ста километров по направлению к Петрограду. На маленькой станции Малая Вишера, приблизительно в двухстах километрах от Лихославля, поезд Б задержали; получено было донесение от офицера железнодорожной охраны, только что прибывшего со встречного направления. Он сказал, что станции Тосно Любань находятся в руках взбунтовавшихся солдат и что самому ему пришлось бежать из Любани на дрезине. Сообщение это было преувеличено. Беспорядки в Любани носили чисто местный характер, порядок восстановили сразу после отъезда офицера. Тем не менее поезд Б задержали, с тем чтобы дождаться царского поезда, ожидаемого к 4.30. Тем временем генерал Цабель, императорского железнодорожного полка, занял телеграфную станцию и диспетчерскую на станции Малая Вишера. Императора разбудили, когда поезд прибыл на станцию; узнав о создавшемся положении, он приказал, чтобы поезд вернулся в Бологое (примерно 100 километров пути), а оттуда шел бы в Псков, т.е. еще 200 километров. Это было как раз то, что предлагалось сделать ночью.

Тем временем в столице узнали, что к Петрограду приближается эшелон генерала Иванова, и известие это вызвало сильную тревогу в Таврическом дворце. Бубликов и его помощник генерал-майор Ломоносов из министерства связи следили за движением императора и его свиты и, узнав, что они повернули обратно на Бологое, испугались, что императорский поезд, который они надеялись перехватить около

Петрограда, уйдет от них к какому-нибудь отдаленному штабу фронта, откуда можно будет организовать экспедицию на Петроград. Родзянко приказал Бубликову остановить поезда в Бологом, где он намеревался встретиться с императором. Бубликов из Петрограда дал подробную инструкцию о том, как остановить поезд, но ни один ее пункт не был исполнен.

Из Бологого железнодорожные чины доложили Бубликову, что императорский поезд ускользнул от них по Виндавской дороге около 9 часов утра 1 марта, не сменив паровоза в Бологом. Если бы поезда остановились для смены паровозов, то, вероятно, попросту никуда бы больше не ушли, так что это был счастливый случай. Заместитель Бубликова, Ломоносов, приказал, чтобы поезд саботировали на пути Бологое-Псков, но и этот приказ не был выполнен. Поезда двигались очень медленно, вне всякого расписания. 1 марта прошло, в общем, в той же атмосфере, что и 28 февраля, нормальное (пожалуй, можно было бы даже сказать — ритуальное) продвижение императорских поездов нигде не было прервано.

Вот как Дубенский описывает сцену в Старой Руссе, где императорский поезд остановился:

Огромная толпа народа заполняла всю станцию. Около часовни, которая имеется на платформе, сгруппировались монахини местного монастыря. Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Императорский поезд только что отошел, и люди радовались тому, что видели императора хотя бы в окно. Всюду господствовал полный порядок и оживление. Местной полиции, кроме двух-трех урядников, станционных жандармов, исправника, никого и не было на станции⁷.

Железнодорожные служащие станции Дно сообщили Бубликову, что все в руках жандармов и что его приказа исполнить нельзя.

Весь день 1 марта поезд А шел впереди поезда Б, но на станции Дно порядок этот был изменен. Здесь император предполагал принять Родзянко. Узнав, что тот опаздывает, он приказал, чтобы поезда шли дальше на Псков, а Родзянко велел передать, что там с ним и встретится. Когда поезд А прибыл около 7 часов вечера в Псков, в обычной рутине наметились зловещие перемены. Стало известно, что почетного смотря не будет, на платформе присутствовал лишь губернатор и несколько чиновников.

Губернатор доложил, что в Пскове спокойно, что население отнеслось к известиям о беспорядках в столице «равнодушно». Поскольку город находится в

районе военных действий, беспорядков, по его мнению, ожидать не приходится. Царь осведомился о размерах и удобствах губернаторского дома, из чего губернатор впоследствии вывел заключение, что царь, может быть, собирался привезти туда семью.

Главнокомандующего Северным фронтом генерала Рузского не было на вокзале в момент прихода поездов, он явился через несколько минут, мрачный, в галошах. Его сопровождал начальник штаба Данилов («черный Данилов») и генерал Саввич. Государь принял его тотчас вслед за псковским губернатором. И Рузский взялся за непосильную свою задачу — сломить упорное сопротивление царя реформам.

§ 2. Высшее командование и революция.

Мы прервем рассказ о событиях в Пскове, чтобы коротко передать, что произошло в Могилеве после отъезда царя. Путешествие императорских поездов и псковские события описаны в таком количестве мемуаров, что труднее как-то согласовать противоречивые показания разных свидетелей (иногда даже одного и того же свидетеля, только в разное время), чем заполнить пробелы в описании событий. Что же касается Могилева, то дело обстоит совсем иначе. Тут необходимо базироваться на документах. Главный свидетель и главное действующее лицо, генерал Алексеев, практически не оставил никаких записок, известно лишь несколько сделанных им замечаний, которые приводятся в книгах генералов Деникина и Лукомского. Воспоминания Лукомского путаны, но показательны.

После отъезда государя из Ставки, в течение 28 февраля/13 марта и 1/14 марта, события в Петрограде развертывались с чрезвычайной быстротой. В Ставке мы получали из Петрограда одну телеграмму за другой, которые рисовали полный разгар революционного движения, переход почти всех войск на сторону революционеров, убийства офицеров и чинов полиции, бунт и убийства офицеров в балтийском флоте, аресты всех мало-мальски видных чинов администрации. Волнения начались в Москве и в других крупных центрах, где были расположены запасные батальоны. Пехотные части, отправленные с Северного фронта в Петроград, в Луге были встречены делегатами от местных запасных частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что против своих драться не будут. От председателя Государственной Думы получались телеграммы, в которых указывалось, что против государя в Петрограде страшное возбуждение и что теперь уже совершенно недостаточно произвести

смену министерства и образовать новое, ответственное перед Государственной Думой, а ставится вполне определенно вопрос об отречении государя от престола; что это единственный выход из положения, так как, в противном случае, анархия охватит всю страну и неизбежен конец войны с Германией. В частности, относительно Петрограда указывалось, что только отречение государя от престола может предотвратить почти поголовное избиение офицеров гарнизона и во флоте и разрушение центральных административных аппаратов⁸.

Далее Лукомский пишет, что остановить беспорядки в Петрограде и Москве можно, лишь отозвав войска с фронта и утопив революцию в крови. Но сделать это опять-таки можно только ценой унижительного отдельного мира с немцами, который ни союзники, ни российская общественность никогда императору не простят.

Тут, как и в некоторых других местах своих бесценных в остальном мемуаров, Лукомский смешивает разные моменты. Во-первых, он приписывает Родзянко идеи, которые на самом деле появились у того лишь два дня спустя. Рассказ Лукомского об инциденте в Луге не соответствует действительности. Надежный свидетель, Н. Воронович, передает, что в Луге был задержан один воинский состав, и разоружил солдат местный революционный комитет, так что солдаты даже и не поняли, что очистить вагоны и сдать оружие им приказывают революционеры⁹. Никак нельзя из этого факта выводить, что посланные с фронта части присоединялись к мятежникам. Что касается убийств офицеров в Петрограде и балтийском флоте, то сообщение об этом никак не могло быть получено в Могилеве 28-го. Напротив, мы видели, что именно в этот день Алексеев отправил примечательную телеграмму № 1833, в которой (исходя из упоминаемых Лукомским сведений) утверждал, что в Петрограде восстанавливается порядок и, по всей очевидности, председатель Думы прочно держит бразды правления в своих руках. Лукомский не утверждает, что 28 февраля пересылка частей с фронта была остановлена или замедлена. Однако телеграмма № 1833 показывает, что именно в этот день произошло что-то такое, что заставило Алексеева примириться с революцией. Спиридович пытается объяснить эту перемену неким частным событием, не указывая, однако, источника своей версии.

Спиридович рассказывает, что целый день 28 февраля Алексеев продолжал издавать приказы об отправке войск в Петроград, как с Северного, так и с Западного фронта. После того, как Бубликов захватил министерство путей сообщения утром 28-го, военный министр голицынского правительства Беляев, который все еще имел связь

с высшим командованием, доложил, что ни министр связи Кригер-Войновский, ни его министерство не могут обеспечить бесперебойную, нормальную работу в своих ведомствах. «Кажется поэтому, что управление железными дорогами без промедлений должно быть передано заместителю министра, который находится с армией на фронте».

Заместителем министра путей сообщения при Ставке был некто генерал Кисляков, продолжавший занимать эту должность и при Временном правительстве. Алексеев склонен был последовать совету Беляева и издать приказ, объявляющий, что через посредство заместителя министра путей сообщения он берет на себя всю ответственность за управление железными дорогами. Однако, как рассказывает Спиридович, Кисляков убедил Алексеева отказаться от этого решения, и Алексеев приказ отменил. Спиридович считает, что Кисляков накануне революции вступил в союз с заговорщиками.

В этот момент контроль над железными дорогами был делом первостепенной важности. Именно по железнодорожному телеграфу вся страна узнала о том, что произошло в Петрограде. Снабжение больших городов и армии полностью зависело от гладкой работы железнодорожной сети. Передавая железные дороги под начальство думского комиссара Бубликова, Алексеев лишал себя важнейшего орудия власти, которое при тех критических обстоятельствах вполне могло быть им использовано в решении политического кризиса. Отношение Алексеева к Бубликову не совсем понятно. В полдень 28 февраля он должен был знать о телеграмме Бубликова, в которой тот передавал воззвание Родзянко к железнодорожникам. В телеграмме № 1833 Алексеев утверждает, что воззвание это дошло до него «кружным путем». В то же время Алексеев называет Бубликова «новым министром путей сообщения». Отрицая прямую связь с революционным министром, Алексеев поддерживал видимость полной преданности императору, а в то же время ничего не предпринимал, чтобы помешать Бубликову полностью взять в свое управление всю российскую железнодорожную сеть. Эта двойственность — и тут нет ничего удивительного — впоследствии повела к тому, что Алексеева обвиняли в двурушничестве и прямом заговоре. Доля неискренности тут, безусловно, была, но в этом ведь и нет ничего нового. Другой подобный пример — это отрицание Алексеевым контактов с Гучковым, после того, как опубликовано было письмо Гучкова от 15 августа 1916 года. Алексеев знал также о планах дворцового переворота, и это тоже пример его двуличия. Но прямое участие его в каком-либо заговоре никоим образом не доказано.

Всякое движение Алексеева 28 февраля и 1 марта было тесно связано с действиями Родзянко. В эти два дня ни тот, ни другой ни в коем случае не хотели отречения или разгрома монархии. Наоборот, как ясно из проекта манифеста, посланного на подпись императору в Псков 1 марта, предполагалось, что Родзянко назначен будет составить правительство, ответственное перед Думой¹¹. В надежде на то, что план этот удастся, Алексеев, естественно, не хотел ускорять движение фронтовых частей к Петрограду. В любом случае нужно было от 5 до 6 дней, чтобы сосредоточить нужное количество войск около Петрограда. Но за такое долгое время политические события легко могли далеко опередить всякие приготовления. Страна и армия узнали бы о происходящем, и вооруженное подавление восстания в Петрограде и Москве легко могло стать первым эпизодом гражданской войны. Во избежание всего этого Алексеев, подталкиваемый Родзянко, подготовил проект манифеста, которым назначалось ответственное перед Думой правительство, и приложил все усилия к тому, чтобы предупредить столкновение между Георгиевским батальоном генерала Иванова и петроградским гарнизоном. Если петроградский гарнизон примыкает к думскому Комитету и Родзянко, если Родзянко назначается сформировать новое правительство, то проблема восставшего петроградского гарнизона может и вовсе отпасть. Это и дал понять солдатам сам Родзянко 28 февраля и 1 марта в речах, произнесенных в вестибюле Таврического дворца, говоря им, что они не должны чувствовать себя бунтовщиками.

Без сомнения, поверив 28 февраля известиям о восстановлении мира и порядка в Петрограде, Алексеев сделал это в большой мере потому, что ему хотелось в это верить. Рузский отнесся к известиям с гораздо большим скептицизмом и хотел узнать, каково их происхождение. Однако и он положительно расценивал политическое решение, выработанное Алексеевым, и готов был до конца его поддерживать. Он еще больше Алексеева сомневался в мудрости военного подавления петроградского восстания. Прямое приказание об отправке войск он выполнил, но уже ночью 1 марта был абсолютно уверен, что их надо остановить и вернуть обратно на фронтовые позиции. Он утверждал, что невозможно снять с Северо-Западного фронта достаточное количество войск, не ослабив тем самым себя перед немцами.

§ 3. Первая попытка Рузского: вечер 1 марта.

Рузский не совсем был подготовлен к трудным переговорам с царем. Родзянко должен был приехать из Петрограда в течение дня (1 марта), так что на самом деле

надо было ожидать, что именно ему и придется в основном вести беседу. Почему Родзянко в последнюю минуту отказался от той самой встречи, на которой сначала так упорно настаивал — этого никому так и не удалось объяснить убедительно. В часто цитируемой книге «Дни»¹² В. Шульгин пишет, что Родзянко не удалось 1 марта уехать в Дно потому, что этому воспрепятствовал только что образованный Исполнительный Комитет Петроградского Совета. Шульгин говорит, что 1 марта он встретил Родзянко, который сказал ему:

Сегодня утром я должен был ехать в Ставку для свидания с государем императором, доложить его величеству, что, может быть, единственный исход — отречение... Но эти мерзавцы узнали... и, когда я собирался ехать, сообщили мне, что ими дано приказание не выпускать поезда... Они заявили, что одного меня не пустят, и что должен ехать со мной Чхеидзе и еще какие-то... Ну, слуга покорный — я с ними к государю не поеду... Чхеидзе должен был сопровождать батальон «революционных солдат». Что они там учинили бы?

Шульгин рассказывает, что тут разговор его с Родзянко был прерван. Мельгунов убедительно доказал, что этот рассказ не соответствует действительности. Исполнительный Комитет никак не вмешивался в планируемую поездку Родзянко, никто не отменял ожидавшего его на вокзале поезда. В длинном разговоре с Рузским, рано утром 2 марта, Родзянко ни словом не упомянул о препятствиях, чинимых Исполнительным Комитетом. Когда Рузский «выразил глубокое огорчение в связи с несостоявшимся его приездом», Родзянко объяснил свое решение двумя соображениями:

...сожалею, что не могу приехать; с откровенностью скажу — причины моего неприезда две: во-первых, эшелоны, высланные вами в Петроград, взбунтовались; вылезли в Луге из вагонов; объявили себя присоединившимися к Государственной Думе; решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда; мною немедленно приняты были меры, чтобы путь для проезда его величества¹³ был свободен; не знаю, удастся ли это. Вторая причина — полученные мною сведения, что мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия; невозможность оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания¹⁴.

Объяснение, данное самим Родзянко, почему он не приехал в Дно или в Псков, менее живописно, чем шульгинское, но не менее лживо. Кроме того, Родзянко сам себе противоречит. Мы знаем, что несколько отправленных Рузским частей действительно были разоружены в Луге в тот день, но они не бунтовали. Родзянко мог, конечно, и не знать этого, может быть он действительно верил в мятеж. Но он утверждает, что мятежные части, занявшие, по его словам, Лугу, объявили, что они «за Думу». Почему же в таком случае они не пропустили бы поезда, на котором едет председатель Думы? Ведь в тот же самый день Родзянко обратился к солдатам в Таврическом дворце (солдаты эти сделали как раз то, что он приписывал солдатам, находившимся в Луге), и они громко его приветствовали. Вторая же причина, указанная Родзянко, — что он не может покинуть столицу, поскольку только ему доверяют и только его слушаются — еще менее убедительна, чем первая. Его колебания 27-го, его нежелание принять на себя роль вождя в революционном лагере, вызвали потерю к нему доверия даже со стороны членов того самого думского Комитета, во главе которого он стоял. Когда Родзянко говорил с Рузским, положение его было не из легких. Именно от него исходила инициатива манифеста, в котором председатель Думы уполномочивался сформировать парламентский кабинет, Рузского же и Алексеева он привлек на свою сторону тем, что уверил их, будто движение у него в руках. Родзянко мог лишиться расположения высшего командования армии, признав, что он ввел генералов в заблуждение, но именно на их поддержке строились все его надежды на собственное политическое будущее. Поэтому он стремился не отходить от легенды, по которой контроль над революцией был у него в руках, решившись даже утверждать, что в ночь с 28 февраля на 1 марта он вынужден был назначить правительство. В лучшем случае это можно назвать смягченным изложением того факта, что Родзянко недолго оставался в глазах членов думского Комитета желаемой кандидатурой на пост главы правительства, они предпочли ему теперь кн. Львова.

Мы не располагаем достоверными данными о том, почему Родзянко не увиделся с царем 1 марта, но можно с достаточной уверенностью высказать следующее предположение. Утром 1 марта Родзянко, должно быть, стало ясно, что его план стать первым парламентским премьер-министром России наткнется на сопротивление со стороны думских кадетов, которые его не хотели. Комитет Думы все больше склонялся к проекту отречения, но никак нельзя было предвидеть, как отнесется к нему высшее военное командование. Поехав в Псков, Родзянко мог оказаться в затруднительном положении. Рузский, по всей вероятности, стал бы растаивать на выполнении изначального предложения Родзянко — чтобы царь назначил его премьер-министром

ответственного перед парламентом правительства. Прими Родзянко такой исход — его немедленно объявили бы архиреакционным элементом, который, принимая мелкие уступки, пытается спасти царя и монархию, и тогда Родзянко оказывался «по другую сторону баррикад». С другой стороны, если бы он стал настаивать на отречении, то в глазах генералов сам превращался в бунтовщика, и его вполне могли арестовать. Другое дело, если бы он встретился с царем в Бологом, где можно было рассчитывать на железнодорожных служащих и рабочих, а также на небольшой местный гарнизон, которые в случае чего могли по его приказу арестовать Николая II. А в Пскове надо было иметь дело с генерал-адъютантом, который командовал миллионной армией и поддерживал Родзянко до тех пор, пока речь шла об умеренных реформах, но легко мог пойти против него, обнаружив, что поддерживает радикальное решение, требующее отречения правящего монарха и означающее конец династии. Ввиду всех этих обстоятельств Родзянко, наверно, счел разумным подождать и посмотреть, как пойдут дела в Пскове после встречи царя Рузским, а потом уже попытаться убедить главнокомандующих, что немедленное отречение желательно и нужно. Для того, чтобы этого достичь, он должен был продолжать свою тактику и заставлять главнокомандующих верить, что он единственный человек, располагающий в Петрограде авторитетом, что, сильно при этом рискуя, он поддерживает порядок и направляет народное восстание в умеренное русло. При этом надо было притормозить отправку в Петроград надежных частей, на что генералы и так шли неохотно.

Но каковы бы ни были мотивы его поступка, к вечеру 1 марта Родзянко не объяснил ни императору, ни Рузскому, почему он не приехал на свидание в Дно, и им самим пришлось принимать немедленное решение.

То, что нам известно о переговорах в Пскове, основано главным образом на мемуарах. Сцена отречения, ночью 2 марта, описана почти всеми присутствовавшими, что, однако, само по себе не облегчает задачи выяснения подлинных фактов. О переговорах, которые повели к отречению и участниками которых были, в общем, государь и Рузский, данных гораздо меньше. Дневник Николая II (или во всяком случае опубликованная его часть) дает лишь чрезвычайно сжатое описание. Описания Рузского более подробны. То, что он сказал Родзянко в разговоре с ним в ту же ночь, представляет собой достоверный документ, хотя короткий и сдержанный.

Рузский не очень хотел высказывать в разговоре с Родзянко собственное свое отношение к отречению, может быть потому, что знал, что на следующее утро его попросят показать императору запись разговора. В нашем распоряжении есть также заявление, сделанное Рузским журналисту Самохвалову и опубликованное газетами в

марте. В этом заявлении он выставляет себя спасителем революции и утверждает, что помешан движению войск на Петроград, убедив императора отменить данный накануне приказ.

Позднее, когда Рузский уже не был главнокомандующим, до него дошли слухи, что государь жаловался на его грубость и говорил, что Рузский принудил его пойти на уступки, которых он не собирался делать¹⁵. Рузский был очень огорчен этими слухами и в начале 1918 года, в Кисловодске (незадолго до того, как его убила вооруженная банда кронштадтских матросов-большевиков), с глазу на глаз рассказал двум лицам то, что сам считал правдой. Один из этих рассказов содержится в дневнике великого князя Андрея Владимировича, который в то время находился в Кисловодске; другой был записан генералом Вильчковским, которого Рузский попросил печатно изложить всю историю и которому он передал ряд документов, связанных с событиями в Пскове¹⁶. Эти доверительные рассказы представляются правдивыми и не противоречат другим данным, кроме как в одном только пункте: о дерзости Рузского по отношению к монарху. Мы не должны, однако, забывать, что целью его было оправдаться перед потомством в тот момент, когда он считал революцию величайшим несчастьем, какое только могло обрушиться на Россию. Конечно, это убеждение не могло не отразиться на той части его повествования, где он описывает собственную свою роль в драме отречения.

Разница в утверждениях Рузского и других свидетелей сама по себе уже есть достаточный материал для целой книги. Нам же придется ограничиться приведением тех элементов, которые показывают, как стремительно менялась политическая ситуация.

Когда императорский поезд 1 марта пришел в Псков, императорская свита, да и сам император, считали, что они добрались до верного убежища, где распоряжается человек, располагающий почти неограниченной военной властью, который по крайней мере сделает для злополучных путешественников все срочно необходимое и поможет императорскому поезду как можно скорее доехать до Царского Села. Встретившись с Рузским, царь объяснил, что произошло в Малой Вишере, и сказал, что в сложившихся обстоятельствах ему показалось правильнее всего направиться к ближайшему штабу фронта. По-видимому, вопрос о дальнейшем продвижении поезда в Царское Село вообще не обсуждался. Рузский доложил царю об общем политическом положении, осведомил его о росте революционного движения в Москве и посоветовал немедленно принять решение, сообразно с проектом Родзянко и Алексеева.

Не может быть сомнения в том, что предложение это встретило сильное сопротивление императора¹⁷. Николай II сказал, что не понимает положения конституционного монарха, поскольку такой монарх царствует, но не управляет. Принимая на себя высшую власть в качестве самодержца, он принял одновременно, как долг перед Богом, ответственность за управление государственными делами. Согласившись ограничить и передать свои права другим, он лишает себя власти управлять событиями, не избавляясь от ответственности за них. Иными словами, передача власти правительству, которое будет ответственно перед парламентом, никоим образом не избавит его от ответственности за действия этого правительства. Разумеется, это была старая доктрина, усвоенная Николаем II от отца, а также от Победоносцева, его политического наставника и воспитателя. Очевидно, такое понимание идеологии самодержавия раздражало Рузского и он дал прорваться нетерпению, а Николай II впоследствии, вспоминая разговор, на это обиделся. Кроме общих проблем, они обсуждали также целый ряд конкретных кандидатур. Император заверял Рузского, что ему более или менее известны компетентность и политические способности тех людей, которые претендуют на народное доверие. Он был о них не слишком высокого мнения как о возможных министрах, особенно при существующих тяжелых обстоятельствах, он считал, что они хуже, чем те люди, которых он недавно избрал. Это важное замечание, так как Николай II, как мы видели, был не особенно высокого мнения и о способностях собственных своих министров.

Успех, которого в конце концов добился Рузский, стоил ему немалых сил. В последний день пребывания в Ставке и по пути в Псков император непрерывно выслушивал советы того же плана, что и советы Рузского. По пути он, должно быть, получил текст письма генерала Джона Хэнбери-Вильямса, начальника союзнической военной миссии в России. Кроме того, пришло воззвание либеральных членов Государственного Совета, посланное в ночь с 27 на 28 февраля. Вдобавок к этому было и мнение великого князя Сергея Михайловича, поддерживавшего предложенное Алексеевым решение. Как показали переговоры в Пскове, единственным результатом нажима было решение императора назначить Родзянко Премьер-министром и предоставить ему выбор *некоторых* членов кабинета. В глазах императора введение парламентского строя оставалось изменой долгу, эту веру поддерживала и укрепляла императрица. Всякую попытку добиться от него уступок в этой области он воспринимал как дьявольское искушение. Любое поползновение поддаться уговорам и уступить, очевидно, казалось Николаю II данью сверхчеловеческой тяжести обстоятельств. Должно быть, он знал, что *этого* (и только этого) не простит ему жена,

которая увидит тут измену обещанию, данному умирающему отцу, измену будущему их сына. Для Николая II и для его жены просто отречение представлялось нравственно гораздо более приемлемым.

Переговоры между императором и Рузским затянулись до поздней ночи с 1 на 2 марта. Они несколько раз прерывались, в частности — мрачным обедом, во время которого, как обычно, политические темы не затрагивались. Во время перерывов Рузский ждал в императорском поезде, беседуя с встревоженными придворными. Их шокировала его точка зрения, в которой они видели вольнодумство, граничащее с изменой. Рузский не смог удержаться и сказал, что предостерегал от принятого политического курса, упомянув при этом, что во влиянии Распутина видит одну из главных причин всех бед. В какой-то момент его спросили, что же, по его мнению, надо теперь делать, и он, как будто, отвечал: «Ничего не остается делать, как сдаться на милость победителя». Позиция Рузского была неожиданностью для свитских, а может быть и для самого императора. Особенно негодовал адмирал Нилов, личный друг государя. Он был уверен, что царю, как самодержцу и главнокомандующему, надлежит поступить лишь одним способом — разжаловать Рузского, приказав арестовать его или даже казнить, и назначить другого, безусловно преданного генерала, приказав ему идти на Царское Село и Петроград со всеми надежными войсками. Однако Нилов прекрасно понимал, что такое решение противно самой природе императора, и скорее всего он даже не пытался высказать то, что думал. Он ушел в свое купе и не появлялся до тех пор, пока драма не закончилась.

Самым важным происшествием в ночь 1 марта было получение в Пскове, незадолго до 11 часов вечера, телеграммы Алексеева с окончательным текстом предполагаемого манифеста, которым Родзянко поручалось сформировать Временное правительство. Если императору и приходили в голову планы, подобные ниловскому, телеграмма Алексеева должна была полностью их исключить. Ведь она показывала, что начальник штаба Верховного, реальный командующий действующей армии, безоговорочно поддерживает предлагаемое Рузским решение и что любая мера против Рузского неизбежно поведет к последующей перетасовке высшего военного командования. Царь же не мог пойти на подобный риск во время войны. Нет сомнения, что телеграмма Алексеева была решающим моментом акции, направленной на то, чтобы сломить волю императора, это признает и сам Рузский: «Не знаю, удалось ли бы мне уговорить государя, не будь телеграммы Алексеева, — сомневаюсь». Тут, однако, надо заметить, что слова Рузского о том, что он «уговаривал» государя, могут ввести в

заблуждение. На самом деле он просто не дал императору никакого выбора: план Алексева—Родзянко он представил как единственную возможность, хотя знал, что план этот противоречит его нравственным и религиозным убеждениям. Сам Николай II говорил, что «эта формула ему не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться», чтобы ее принять.

Когда Рузскому показалось, что царь наконец сдался и готов подписать проект манифеста, он вышел, чтобы дождаться, пока будет составлен текст телеграммы. Получив текст, он обнаружил, что в нем нет речи о кабинете, ответственном перед Думой, взамен того император предлагает Родзянко назначить по своему усмотрению некоторых министров (кроме военного, морского и министра иностранных дел). Рузский отказался принять такую формулировку и принялся настаивать на том, что текст должен быть переписан и что в нем должно содержаться ключевое положение о «правительстве, ответственном перед Думой». Произошла задержка приблизительно часа в два, Рузский провел это время в разговорах со свитскими, пока его, наконец, пригласили к императору. В присутствии одного только графа Фредерикса, министра двора, в качестве свидетеля император наконец принял ненавистную ему формулировку и подписал телеграмму, которой разрешал обнародовать предложенный Алексеевым манифест.

В этот момент царь казался настолько равнодушным ко всему, что происходило, что Рузский счел нужным спросить, не изменил ли он мнение и не будет ли он, Рузский, действовать вопреки императорской воле, передавая телеграмму Алексеву. Согласно позднему рассказу того же Рузского, император на это отвечал, что он принял решение потому, что как Алексеев, так и Рузский (с которыми он предварительно обсуждал этот вопрос) придерживаются одинакового мнения, в то время как ему хорошо известно, что они редко в чем-нибудь полностью сходятся¹⁸. В то же время он не скрыл от командующего Северным фронтом, что решение это далось ему чрезвычайно трудно, но что он согласился потому, что видит в этом свой долг, раз это на благо России.

Вскоре после полуночи 2 марта, стало быть, Рузскому представлялось, что политическая проблема решена. Теперь надо было задержать движение войск на Петроград и отозвать экспедицию генерала Иванова.

Тот, тем временем, достиг Царского Села со значительным опозданием, но без особых инцидентов. 1 марта он миновал станцию Дно за несколько часов до того, как там остановились императорские поезда. Там генерал Иванов застал эшелоны, переполненные восставшими солдатами петроградского гарнизона. К этим солдатам он

применил тот свой «отеческий метод» восстановления дисциплины, которым так гордился. Подойдя совсем близко к ним, вооруженный только своей огромной лопатообразной бородой, он заорал во всю силу: «На колени!» Как ни поразительно, приказание это немедленно было исполнено. Солдат разоружили отчасти собственные товарищи, отчасти отряды Георгиевского батальона. Самых строптивых арестовали и посадили в поезд генерала Иванова.

Прибыв в Царское Село, Иванов направился во дворец, императрица приняла его среди ночи. Там он узнал об алексеевской телеграмме (№ 1833, приведенная выше), в которой ему предлагали «изменить тактику» ввиду предполагаемого восстановления порядка и законности в столице. Согласно Спиридовичу, сведения которого имеют источником придворные круги, Иванов нисколько не был обманут этой телеграммой — как, впрочем, не был ею обманут и Рузский. Еще до того, как явиться к императрице, он разработал план действий, описанный Спиридовичем¹⁹.

Однако встреча с императрицей явно пошатнула решимость Иванова. Последние тридцать шесть часов она жила в страхе нападения толпы и главным образом тревожилась о том, чтобы не ставить под угрозу жизнь детей, связавшись с карательной экспедицией, исхода вмешательства которой никто не мог предвидеть. Она все еще цеплялась за надежду, что революцию как-то можно будет остановить одним только внешним проявлением авторитета и силы, не прибегая к кровопролитию. Ни Иванов, ни кто-либо другой, не знакомый с мистическим складом ума императрицы, этих ее идей понять не мог.

Вернувшись в свой поезд, Иванов убедился в том, что ему нечего делать: пришла телеграмма, которую государь после своей капитуляции разрешил Рузскому отправить и в которой написано было следующее: «Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай. 2 марта 1917 г. 0 ч. 20 м.»

Тем и кончилась экспедиция Иванова. Отpravку частей, которые должны были идти к нему на подкрепление, приостановили еще раньше, так как не было сомнений, что царь прикажет поступить именно так, теперь же штаб Северного фронта просто эту отправку отменил.

Рузскому оставалось только известить Родзянко, что желанные уступки от императора получены и что он уполномочен формировать первое ответственное перед Думой российское правительство.

1 марта, в 11.30 вечера, т. е. до победы своей в единоборстве с императором, через своего начальника штаба, Рузский попросил Родзянко о разговоре по прямому

проводу «на тему, в высшей степени серьезную и срочную». Просьба эта прошла через штаб Петроградского военного округа, который тогда был в связи по прямому проводу со Псковом и одновременно в контакте с председателем Думы и Таврическим дворцом.

§ 4. Родзянко отклоняет царские уступки: раннее утро 2 марта.

Председатель Думы не особенно спешил беседовать с Рузским. Он сказал, что будет на месте разговора не раньше половины третьего утра. В действительности разговор имел место на час позже и продолжался долго из-за медленности употребляемого способа передачи, так называемого аппарата Хьюза. Рузский начал с просьбы об откровенности, необходимой виду чрезвычайной серьезности положения. Он попросил Родзянко объяснить ему, почему отменена была его поездка в Псков. Получив уже приводившиеся нами ответы, Рузский сказал Родзянко, что император сначала предполагал предложить ему (Родзянко) составить министерство, ответственное перед монархом, но затем все же согласился поручить ему формирование кабинета, ответственного перед законодательными палатами. Рузский предлагал немедленно сообщить текст манифеста, проект которого составлен был в Могилеве.

В ответ Родзянко долго и подробно излагал ход событий²⁰. Он казал:

Очевидно, что его величество и вы не отдаете себе отчета, что здесь происходит. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко. В течение двух с половиною лет я неуклонно, при каждом моем всеподданнейшем докладе предупреждал государя императора о надвигающейся грозе, если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен вам сообщить, что, в самом начале движения, власти, в лице министров, стушевались и не приняли решительно никаких мер предупредительного характера. Немедленно же началось братание войск с народными толпами, войска не стреляли, а ходили по улицам, и им толпа кричала «ура»²¹. Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Государственной Думе вообще, а мне в частности, оставалось только попытаться взять в свои руки движение и стать во главе, для того, чтобы избежать такой анархии, при таком расслоении, которое грозило бы гибелью государству.

К сожалению, мне это не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно. Войска окончательно деморализованы, не

только не слушаются, но убивают своих офицеров. Ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов²². Вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров — кроме военного и морского — заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях. Считаю нужным вас осведомить, что то, что предполагается вами, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром.

Такое вступление оказалось сюрпризом для Рузского. Сообщение, что он ответствен за арест и заключение в тюрьму царских министров, делало его членом революционного лагеря. Фраза о том, что теперь ставится вопрос о самой династии, также была новостью. Реакция Рузского была чрезвычайно осторожной. Он сказал, что его представление о положении в Петрограде сильно отличается от картины, нарисованной председателем Думы. Он настаивал на том, что необходимо умиротворить народные страсти, чтобы продолжать войну и чтобы не оказались напрасными жертвы, уже принесенные народом. «Надо найти путь к восстановлению порядка в стране», сказал он, а затем попросил сообщить ему, «в каком виде намечается решение династического вопроса».

Родзянко отвечал «с болью в сердце»:

Ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и к войскам, — решил твердо довести войну до победного конца и в руки немцам не даваться.

Затем Родзянко повторил общепринятые осуждения в адрес таких людей, как Сухомлинов, Распутин, Штюмер и Протопопов, а потом сказал:

Тяжкий ответ взяла на себя перед Богом государыня императрица, отвращая его величество от народа.

Родзянко снова упомянул об отправке войск в Петроград и сказал, что это может повести только к гражданской войне. В то же время утверждая, однако, что войска не станут действовать против народа²³.

Рузский понимал важность момента и заверил Родзянко, что государь велел Иванову не предпринимать ничего и повернуть обратно войска, находившиеся на пути в Петроград.

Вы видите, что со стороны его величества принимаются какие только возможно меры, и было бы в интересах родины и той отечественной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар.

После этого он передал текст составленного Алексеевым манифеста, манифеста, на который с таким трудом ему удалось уговорить царя согласиться, и попросил в заключение сообщить ему, «если будет признано необходимым внести какие-либо частичные поправки».

...я сегодня сделал все, что подсказывало мне сердце и что мог для того, чтобы найти выход для обеспечения спокойствия теперь и в будущем, а также, чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть в кратчайший срок; приближается весна, и нам нужно сосредоточить все наши усилия на подготовке к активным действиям и на согласовании их с действиями наших союзников...

Родзянко отвечал: «Вы, Николай Владимирович, истерзали в конец и так растерзанное сердце». Затем он заговорил о лежащей на нем огромной работе и в этой связи объявил, что назначил Временное правительство. «К сожалению, манифест запоздал, — сказал он. — Его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно». В то же время он заверял Рузского, что снабжение армии немедленно возобновится вследствие воззвания Временного правительства. «Запасы весьма многочисленны, так как об этом всегда заботились общественные организации и Особое Совецание», — сказал он, подразумевая при этом — и несмотря на саботаж бездарного и предательского правительства. В конце разговора Родзянко просил Рузского, «нашего славного вождя», «в битве уничтожить проклятого немца», и подчеркивал, что в обращении, посланном к армии от Комитета Государственной Думы, определенно говорится о решимости продолжать войну.

Когда разговор приближался к концу (кончился он в 7.30 утра), Рузский еще раз напомнил Родзянко об опасности, что анархия перекинется в армию «и начальники потеряют авторитет власти». На это Родзянко отвечал следующее: «Не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех; ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу». Только в конце разговора опять была упомянута настоящая его цель, да и тут без какого-либо окончательного решения. Рузский спросил, нужно ли выпускать манифест. Ответ

гласил: «Я, право, не знаю, как вам ответить. Все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой». Рузский поэтому сказал, что он уведомит Верховное Главнокомандование, что манифест, «пусть что будет», надо напечатать.

В том лабиринте противоречивых версий, обвинений, самооправданий, подозрений и предположений, на который мы натываемся в разных мемуарах, этот ночной разговор должен бы служить путеводной нитью. Разговор полностью рассеивает обвинения против Рузского — что он с самого начала действовал против императора и хотел добиться его отречения. Наоборот, он поддерживал изначальный план Родзянко и Алексеева и ни в коем случае не подстрекал Родзянко ставить так называемый династический вопрос. Он не занял четкой позиции в ответ на заявление Родзянко, согласно которому «войска везде становятся на сторону Думы и народа и грозные требования отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становятся определенным требованием». С другой стороны, риторические импровизации Родзянко показывают, что он полностью сбился с пути. В обращении его к Рузскому главная нота — страх. В его на смерть перепуганном воображении исступленные массы вот-вот должны были начать всеобщее избиение. В то же время он боялся вмешательства надежного, по всей видимости, отряда Иванова и наверно испытал большое облегчение, узнав, что экспедиция отменена. Но и он боялся лично поддержать проект отречения, хотя сознавал, что события отменили его изначальный план. Самое важное, однако, заключается в том, что он скрыл от Рузского глубокий разрыв внутри думского Комитета. Он скрыл попытку думских кадетов лишить его — их председателя — всякого политического влияния в будущем и их желание передать всю власть Временному правительству.

§ 5. Вмешательство генералитета.

После судьбоносного разговора по прямому проводу с Петроградом, Рузский отправился отдохнуть. Запись текста немедленно передана была в Верховное Главнокомандование в Могилев. Реакция была бурной. В Псков сейчас же послано было требование разбудить императора и показать ему запись разговора с Родзянко. Генерал Данилов, стоявший во главе Псковского штаба в отсутствие Рузского, отвечал, что не станет будить только что уснувшего Рузского, а запись показана будет императору позже утром. Верховное Главнокомандование в Могилеве необычайно быстро реагировало на поступающие новости. Краткий и дельный пересказ разговора между Рузским и Родзянко был составлен и отправлен Алексеевым всем командующим

фронтами (т.е. великому князю Николаю Николаевичу на Кавказский фронт; генералу Сахарову на Румынский фронт; генералу Брусилову на Юго-Западный фронт; генералу Эверту на Западный фронт и адмиралам Непенину и Колчаку, командующим балтийским и черноморским флотом). Телеграмма Алексеева содержит следующий важнейший пассаж:

Теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при использовании предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках петроградского Временного правительства.

Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу династии нужно поставить на первом плане хотя бы ценой дорогих уступок. Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться со внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который безболезненно совершится при решении сверху.

2 марта, 1917 года. 10.15, 1872. Алексеев.

К тому времени, когда телеграмма послана была из Могилева, Рузский уже вернулся в императорский поезд, захватив с собой запись разговора Родзянко. Он знал, что сказанное Родзянко в пользу отречения — как средства покончить с революционными беспорядками, — принято было в Ставке благосклонно. Генерал-квартирмейстер Алексеева, Лукомский, сказал Данилову, что молит Бога о том, чтобы Рузскому удалось убедить императора отречься. Данилов в удаче сомневался. Рузский тоже мало верил в такую возможность, зная, как долго и упорно император сопротивлялся тому, что по его (Рузского) мнению было лишь небольшой уступкой, притом абсолютно неизбежной. Рузский считал, что император отвергнет идею отречения. Император весьма внимательно прочел текст разговора между Рузским и Родзянко и спросил Рузского, каково его мнение и что он может посоветовать. И тут Рузский не дал определенного ответа. Он сказал, что ему нужно подумать.

Тем временем пришел текст телеграммы Алексеева главнокомандующим, и о нем доложено было императору. Стало ясно, что Алексеев полностью поддерживает позиции Родзянко. Он даже и не упоминал нигде о робких возражениях Рузского против отречения. Очевидно, настроение императора сильно изменилось по сравнению с предыдущей ночью. В создавшейся ситуации отречение определенно привлекало его. Это было достойнее, чем позволить ограничить свои права, приняв роль конституционного монарха. Это решение давало ему возможность снять с себя ответственность за те беды, которые, по его убеждению, неизбежно обрушатся на страну, как только управление перейдет в руки властолюбивых политиков, которые так самоуверенно утверждают, что пользуются народным доверием.

В обеденный час, гуляя по перрону, он встретился с Рузским и сказал ему, что склоняется к отречению. Странно поэтому, что Рузский счел нужным взять с собой двух генералов своего штаба (Данилова и Саввича), отправляясь к императору на окончательный разговор вскоре после обеда. Он объяснил им, что нуждается в их поддержке, так как опасается, что император ему не доверяет.

Рузский шел к императору, уже получив от Алексеева телеграмму с ответами великого князя Николая Николаевича, Брусилова и Эверта; все трое были генерал-адъютантами. Ответы эти, хотя и верноподданнические по форме, все были в пользу немедленного отречения.

Вот образцы их слезливого стиля.

Великий князь:

Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему ваше наследие.

Брусилов:

Прошу вас доложить государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к родине и царскому престолу... отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Эверт:

...Безгранично преданный вашему величеству верноподданный умоляет ваше величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным

им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии²⁴.

Государь прочел телеграммы своих генерал-адъютантов. После этого не надо было причитаний генералов Данилова и Саввича, чтобы заставить его объявить свое окончательное решение. Он отошел к окну, постоял, глядя на снежный пейзаж. Потом повернулся, перекрестился и сказал, что решил отречься. Он обнял Рузского, благодаря его за верную службу. Этим задан был тон целого ряда траурных церемоний, которые происходили в последующие дни в Пскове, а затем и в Могилеве.

Император объявил о своем решении в двух кратких телеграммах, одна из которых послана была председателю Думы, другая Алексееву. Отречение было в пользу наследника цесаревича, а великий князь Михаил Александрович назначался регентом. В известном смысле это был шаг назад по сравнению с уступками предыдущей ночи, так как ни слова не говорилось о переходе к парламентскому строю и правительстве, ответственном перед Думой. Рузский бросился к себе в штаб, чтобы отослать телеграммы. За этим последовала странная суматоха. Для членов императорской свиты отречение было полным сюрпризом, и они сочли, что шаг этот сделан с чрезмерной поспешностью. Царя сразу стали уговаривать остановить телеграммы. Рузскому пришлось вернуться и возвратить царю телеграмму, адресованную Родзянко, в ожидании прибытия думской делегации, об отъезде которой из Петрограда в Псков было тем временем объявлено. Рузский не вернул телеграммы, адресованной Алексееву, но пообещал не отсылать ее до того, как прибудет думская делегация, которую ожидали к семи часам.

Поезд, в котором ехали представители Думы, опоздал. Это дало членам свиты возможность обсудить с императором новое положение. Они спросили его, что он собирается делать после отречения: он сказал, что уедет за границу и будет там жить до окончания военных действий, а затем вернется в Россию, поселится в Крыму и полностью посвятит себя воспитанию сына. Некоторые из его собеседников сомневались, чтобы ему это позволили, но Николай отвечал, что родителям нигде не воспрещают заботиться о своих детях. Все же какие-то сомнения зародились и у него, и он в первый раз откровенно беседовал с врачом Федоровым о здоровье Царевича. Он сказал, что верит предсказанию Распутина, который говорил, что царевич в 14 лет выздоровеет. Он спросил у Федорова, возможно ли это. Федоров отвечал, что только чудо может вылечить больного гемофилией при нынешнем состоянии медицинской

науки и что лишь крайняя осторожность вместе с постоянным наблюдением и лечением могут продлить жизнь царевича.

Чрезвычайно показательно для образа мыслей и настроения императорской четы, что такой разговор смог произойти только в силу совершенно необычайных обстоятельств. Как мы увидим дальше, политические последствия оказались значительными.

Тем временем генерал Рузский удалился к себе в штаб, распорядившись, чтобы делегатов Думы привели к нему для консультации до того, как они встретятся с императором.

Члены свиты были чрезвычайно взволнованы. С самого прибытия императорских поездов в Псков все время происходили острые стычки между дворцовым комендантом Воейковым и генералом Рузским. Члены свиты уверены были, что император принял решение под давлением Рузского, и надеялись, что думские делегаты будут более сговорчивы, чем командующий Северным фронтом. Они были глубоко потрясены простотой и обыденностью, с которой закончилась в их присутствии целая глава истории. (Один из генералов сказал: «Как можно отдать престол, как будто передаешь эскадрон?») Поэтому одному из членов свиты, Мордвинову, поручено было перехватить по дороге думскую депутацию и помешать ей встретиться с Рузским прежде, чем произойдет встреча с императором.

§ 6. Эмиссары Думы: Гучков и Шульгин.

Не будем придавать слишком большого значения бессильным интригам императорской свиты. Сам государь принял решение, и, как показала последовавшая затем встреча с думскими делегатами, его уже нелегко было изменить. Но, само собой разумеется, думские делегаты не могли этого знать, в 3 часа дня уезжая из Петрограда, а во время поездки у них не было связи ни с Петроградом, ни со Ставкой.

Мы не располагаем документами, из которых можно было бы понять, каким образом выбор пал на Гучкова и Шульгина и каковы были данные им инструкции и полномочия. Ясно, что это были очень разные люди. По-видимому, инициатива поездки принадлежала Гучкову. После неудачной попытки Родзянко объявить временным регентом великого князя Михаила Александровича, Гучков активно занимался организацией защиты Петрограда от возможной атаки экспедиционного корпуса генерала Иванова. Он ездил по казармам, пытаясь заручиться поддержкой войск в пользу Думы, одновременно восстановить дисциплину и подкрепить авторитет тех

офицеров, которые стали на сторону «народа» и Думы. Во время этих разъездов произошло несколько эпизодов, сильно потрясших его нервы. Так, убит был «шалльной» пулей молодой офицер, князь Вяземский, один из его военных друзей.

Гучков никогда не был сторонником массовых движений и призывов к солдатам. Восстание петроградского гарнизона, которого он был свидетелем 28 февраля и 1 марта, наполнило его мрачными предчувствиями. Утром 2 марта, придя на совещание Временного Комитета Думы, он застал критическую ситуацию. Ночью шли переговоры между думским Комитетом и Исполнительным Комитетом Петроградского Совета относительно формирования правительства и опубликования совместного призыва о поддержке к «революционным массам». Ни отречение, ни конец монархии как будто не обсуждались во время этих переговоров²⁵. Но в то же время Родзянко уже говорил с Рузским, и что-то надо было сделать, чтобы решить этот вопрос. Родзянко не желал встречаться с царем, поэтому Гучков сказал, что готов ехать в Псков и решить вопрос формирования правительства с командующим Северным фронтом.

Предложение Гучкова приняли, однако точных инструкций ему, по всей видимости, не дали. Впоследствии, в своих показаниях Муравьевской комиссии, Гучков заявил, что ему велено было настаивать на назначении премьер-министром князя Львова. Наверно, вопрос отречения тоже обсуждался, но после разговора с Рузским Родзянко вовсе не был уверен, что Рузский поддержит идею отречения. Тем не менее, в какой-то момент в Петрограде составлен был проект манифеста об отречении, и Гучков взял с собой этот проект. После того, как предложение его о поездке в Псков было принято, Гучков спросил, поедет ли с ним кто-нибудь. Думский депутат Шульгин предложил свою кандидатуру и легко и быстро получил согласие. На Варшавском вокзале в Петрограде все время стоял в готовности поезд на тот случай, если Родзянко решит поехать к императору, и два думских делегата просто на этом поезде и пустились в путь.

Впоследствии Исполнительный Комитет Петроградского Совета утверждал, что поездка Гучкова и Шульгина устроена была у него за спиной и что этим нарушено было соглашение между Думой и Советом. Эту историю часто повторяют, излагая фактологию русской революции. Но, видимо, жалоба эта совершенно необоснованна. Нельзя, однако, полагаться на память тех, кто принял участие в переговорах в ночь с 1 на 2 марта. Шульгин в своей книге «Дни»²⁶ подробно описывает, как они с Гучковым выехали из Петрограда. «Чуть серело, очевидно, революционный народ, утомленный подвигами вчерашнего дня, еще спал». Это поразительная неточность. Есть документы, точно указывающие, что поезд отошел с вокзала в 2.57 дня, есть заявление печати,

сделанное самим Шульгиным по возвращении, в котором он говорит, что делегаты Думы уехали из Петрограда в 3 часа дня. Но, как и многих других свидетелей и участников событий, Шульгина может извинить чрезвычайное нервное напряжение — результат бессонных ночей и недоедания, в таком состоянии часто бывает, что последовательность событий видится искаженно.

Важнее этих подробностей личные качества двух делегатов. Гучков, который сутки спустя станет военным министром Временного правительства, определенно был главным лицом, именно его уполномочили на ответственные заявления. Принимая предложение Гучкова поехать в Псков, его коллеги учли, конечно, особый характер его отношений с императором. Гучков, видный член монархической партии октябристов, ни в коей мере не был революционером; тем не менее, можно было полагать, что личная вражда помешает какому бы то ни было частному сговору с царем. Во время правления Столыпина, Гучков долгое время был приверженцем этого последнего самовластного царского министра. Но уже тогда в нем проявлялась склонность к въедливому политиканству, которая позволяла ему использовать армейские порядки в качестве предлога для нападок на бездарность администрации. У всех в памяти еще свежа была речь, которую он в 1908 году произнес в Думе, осуждая назначение «безответственных лиц» на посты армейских инспекторов. Направлена она была против великих князей, которых император обычно назначал на эту должность. Это была давняя традиция, никак не основанная на nepотизме, скорее это был способ как-то занять великих князей в сфере, где они меньше всего могли нанести вреда и вмешиваться в политику. Нападки Гучкова были несправедливы и злы, но они дали ему известную популярность в либеральных кругах. Следующая его атака была связана с бюджетом Святейшего Синода в 1912 году, и тут он в первый раз намекнул на тесную связь императрицы с Распутиным, таким образом положив начало антираспутинской кампании, которая продолжалась и после убийства старца 16 декабря 1916 года.

Говорили, что в 1912 году Гучков получил от бывшего друга Распутина, монаха Илиодора, письма, написанные Распутину императрицей и царскими детьми. Неосведомленному лицу эти письма могут показаться компрометирующими²⁷. Императору доложили, что Гучков дал размножить эти письма и широко их распространяет. Император считал, что подобный выпад подло использует то обстоятельство, что он ответить не может. Однажды он попросил военного министра при случае сказать Гучкову, что он его считает подлецом. Исполнил ли министр это поручение — неясно; мы располагаем лишь записью в дневнике Поливанова, где говорится, что пока подходящего случая ему не представилось. Но на прощальном

приеме членов Третьей Думы император прошел мимо Гучкова, которого знал годами, как будто его не узнавая, и бросил на ходу: «Мне кажется, вы — представитель Москвы». Это вывело Гучкова из себя, а был он человеком мстительным. Во время войны Гучков стал председателем Центрального военно-промышленного комитета, благодаря чему вошел в тесное общение с военными кругами. Мы уже видели, как он использовал свое положение, чтобы подорвать авторитет правительства у начальника штаба Верховного Алексева и других генералов; известно, что об этом должно было императору и императрице²⁹. Удивительно, что самодержавный монарх не нашел способа избавиться от услуг человека, которого считал абсолютно нелояльным. Насколько можно судить, императрица не разделяла щепетильности императора и в одном из писем написала мужу, что очень сожалеет, что Гучков не погиб при какой-нибудь железнодорожной катастрофе. Когда в начале 1916 года Гучков серьезно заболел, она надеялась, что он умрет. Круги же, близкие к Гучкову, распускали слухи о том, что его отравила «распутинская клика». Но он выздоровел и благополучно дожид до убийства самого Распутина.

Как сам Гучков довольно подробно объяснил Муравьевской комиссии, весь 1916 год он усердно занимался подготовкой дворцового переворота, который, как мы уже видели, намеревался организовать с помощью небольшой группы офицеров и штатских лиц. Переворот должен был произойти на одной из промежуточных станций, через которые следовал императорский поезд из Могилева или в Могилев. Может быть, отправляясь в 1917 году в Псков, Гучков ощущал эту поездку исполнением своей мечты, слегка только искаженной действительностью.

Что же касается второго делегата, то это был человек совсем иного ода, хотя и обуреваемый страстью к политическим приключениям, по всей вероятности, не меньшей, чем у его коллеги. Василий Шульгин, помещик юго-западной России, издавал в Киеве правую провинциальную газету «Киевлянин». Он слыл крепким, слегка антисемитски настроенным консерватором. Тем не менее, во время пресловутого дела Бейлиса, когда еврейского рабочего Бейлиса обвинили в ритуальном убийстве русского мальчика, газета Шульгина в передовой статье резко напала на прокуратуру за предвзятость и сокрытие улик. В первый раз за долгое ее существование, газету конфисковали, а Шульгина судили и приговорили к трехмесячному заключению. Когда началась война, записавшегося в армию Шульгина простили. Он примыкал к Прогрессивному блоку и 27 февраля стал членом думского Временного Комитета.

Взвешивая человеческие факторы этой драмы, может быть интересно упомянуть о дальнейшей карьере обоих. Гучков короткое время был членом Временного правительства, затем в мае 1917 подал в отставку. Тем кончилась его официальная политическая карьера, но не заговорщицкая деятельность, которая просто была его второй натурой. Он эмигрировал, когда Белая армия эвакуировалась из Крыма, и немедленно начал за границей собственную свою антибольшевистскую кампанию. Постепенно у него развились сильные прогерманские настроения, и в бытность свою в Париже он поддерживал тайную связь с германским генеральным штабом. Его поддерживала небольшая группа политических деятелей, а также бывший белый генерал Скоблин, который в 1937 году, в Париже, был замешан в похищении другого белого генерала, Миллера³¹. Тесные контакты с этими людьми бросали тень и на Гучкова, делая его, невольным может быть, участником этой акции. Умер Гучков в 1936 году, утратив все иллюзии, в несчастье. Его предали многие из тех, кому он доверял. Ему не доверял никто из тех, на чью политическую поддержку он рассчитывал.

Жизненный путь Шульгина оказался еще более необычным. Уже будучи эмигрантом, после ряда приключений во время и после гражданской войны, он вступил в связь с подпольной организацией в Советском Союзе. Организация выдавалась за монархическую, а на самом деле служила интересам советской тайной полиции. В 1925 году организация эта просто обвела его вокруг пальца и повезла по России, где ему дали возможность «своими глазами» видеть успешное проникновение «монархической организации» в советскую систему власти. По возвращении на запад он даже опубликовал восторженный рассказ о своем путешествии. Когда игра ГПУ стала известна, он перестал заниматься общественными делами и поселился в Югославии. Когда в 1945 году в Югославию вступила Красная армия, его арестовали, увезли в Советский Союз. Думали, что он расстрелян. Но после смерти Сталина стало известно, что он провел несколько лет в концлагере, однако остался в живых. В 1960–1961 годах советская печать публиковала его заявления, в которых он высказывал радость по поводу того, что может жить на родине, и призывал друзей-эмигрантов поддерживать героическую борьбу за мир, которую ведет СССР.

§ 7. Подписание акта об отречении.

Таковы были те двое, что, устав и измявшись, приехали около десяти вечера 2 марта в Псков, чтобы говорить с царем. Им не дали оправиться от нелегкого пути (поезд был задержан в Луге, где пришлось вести переговоры с местным

революционным комитетом) и, несмотря на указания генерала Рузского, повели прямо к царю. Рузский, однако, присоединился к ним в приемном вагоне, когда совещание уже началось.

Говорил почти один только Гучков. Он сказал, что они приехали доложить о том, что произошло в Петрограде, и обсудить меры, необходимые, чтобы спасти положение, так как положение продолжает оставаться грозным: народное движение никто не планировал и не готовил, оно вспыхнуло стихийно и превратилось в анархию. Многие высокопоставленные государственные чиновники «стушевались», а Временному Комитету Государственной Думы пришлось действовать, чтобы восстановить в войсках авторитет офицеров. Однако в том же самом здании, где помещается думский Комитет (т.е. в Таврическом дворце), находится и комитет «рабочей партии», и думский Комитет теперь находится у него во власти. Также есть опасность, что революционное движение распространится на фронт. Ни одна военная часть не сможет противостоять этой заразе. Присылка войск с фронта обречена на неудачу. Единственная мера, которая может спасти положение, — это отречение в пользу малолетнего наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила, который составит новое правительство. Только так можно спасти Россию, династию и монархическое начало.

К описанию Гучкова Шульгин добавил красочную картину хаоса, который царит в Таврическом дворце:

Позвольте мне дать некоторое пояснение, в каком положении приходится работать Государственной Думе. 27 вошла толпа в Думу и вместе с вооруженными солдатами заняла всю правую сторону, левая сторона занята публикой, а мы сохранили всего две комнаты, где ютится так называемый комитет. Сюда тащат всех арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы; некоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управления страной, и только благодаря этому еще некоторый порядок мог сохраниться, не прерывалось движение железных дорог. Вот при каких условиях мы работаем; в Думе ад, это сумасшедший дом. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва³².

Гучков и Шульгин вели себя почти как просители, которые хотят от Царя, чтобы он обеспечил позиции, с которых им вести борьбу с революцией и анархией. Остается впечатление, что чувство меры совершенно им изменило. Ведь даже ситуация в Думе

совсем не была такова, какой Гучков и Шульгин ее описывали. Однако Гучков упорно настаивал на бесполезности любой попытки подавить революцию присылкой фронтовых частей. В этом его поддержал и Рузский, который шепнул Шульгину, что в любом случае у него и нет частей, которые можно было бы использовать для этой цели. Государь спокойно слушал речь Гучкова и лишь один раз выдал свое нетерпение, когда Гучков наставническим тоном сказал ему, что он должен хорошо все обдумать, помолиться Богу и объявить о своем решении не позже, чем через 24 часа. Тогда-то государь и произнес фразу, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Он сказал, что еще днем принял решение отречься в пользу сына. Но теперь, сознавая, что он не может согласиться на разлуку с сыном, он отречется и за себя, и за сына.

Рузский впоследствии говорил, что после этого все онемели. Он попробовал добиться от Гучкова обещания, что мальчика не будут разлучать с родителями. Гучков отказался взять на себя такое обязательство, и даже намекнул, что, может быть, царю придется уехать за границу, а наследнику оставаться в России³³. По-видимому, на этом разговор прервали, чтобы дать представителям Думы возможность посоветоваться. И тут оказывается, что ни Шульгин, ни Гучков впоследствии не могли вспомнить, о чем же собственно они советовались. Как будто кто-то нашел известные преимущества в новом предложении, сделанном царем. Великий князь Михаил, в качестве регента, должен был бы стоять на страже наследственных прав малолетнего императора. В качестве же монарха он сможет ввести необходимые реформы и стать первым императором, который присягнет, что будет править в соответствии с новой конституцией. В акт отречения предполагалось включить просьбу Николая II к преемнику принять такую присягу.

Но когда возобновились переговоры с царем, Гучков просто сказал, что они должны уважать отцовские чувства царя и принять его решение. Представители Думы представили проект акта отречения, который они привезли с собой. Император, однако, сказал, что у него есть его собственная редакция, и показал текст, который по его указанию составлен был в то утро в Могилеве. Он уже внес в него изменения относительно преемника; фраза о присяге нового императора была тут же согласована и тоже внесена в текст.

К этому моменту Шульгин чувствовал себя совершенно больным: он приехал уже с сильнейшей мигренью, а к этому добавилось эмоциональное напряжение, вызванное исторической сценой. Слова акта об отречении казались ему насыщенными историческим достоинством и величием. Он считал, что их написал сам император. С документа были сняты копии, и одна из них передана Гучкову. Одновременно с

отречением император подписал два указа: одним из них князь Львов назначался премьер-министром, другим Верховное Главнокомандование армией поручалось великому князю Николаю Николаевичу. Представители Думы никак не возражали против этого, хотя оба указа почти немедленно стали источником больших затруднений для Временного правительства. Официально указывалось, что отречение имело место в 3 часа дня, т.е. именно в тот момент, когда фактически принято было решение о нем: это делалось для того, чтобы предотвратить толки, что отречение произошло под давлением представителей Думы. Указы о назначении князя Львова и великого князя Николая Николаевича тоже были помечены более ранним часом, 2 часа дня.

Последовало несколько дружеских рукопожатий, и представители Думы удалились. Шульгин лег и стал лечиться от мигрени, а Гучков наконец отправился поговорить с Рузским.

Поведение царя во время этих переговоров обсуждалось не раз. Дело в том, что сдержанность и умение обуздывать свои чувства не были характерными чертами русской общественной жизни. Поэтому внешнюю невозмутимость свидетели событий приняли как что-то «неестественное». Свидетельствуя перед Муравьевской комиссией, Гучков 2 августа 1917 года сказал:

И все это прошло в такой простой, обыденной форме, и, я бы сказал, настолько без глубокого трагического понимания всего события со стороны того лица, которое являлось главным деятелем на этой сцене, что мне прямо пришло в голову, да имеем ли мы дело с нормальным человеком. Человек этот просто до последнего момента не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал. Все-таки при самом железном характере, при самообладании, которому равного нельзя найти, что-нибудь в человеке дрогнуло бы, зашевелилось, вы почувствовали бы тяжелое переживание. Но ничего этого не было. По-видимому, человек с пониженной сознательностью, я сказал бы — с пониженной чувствительностью.

Комментарий Гучкова более чем понятен в устах человека, который не переставая дожидался момента, когда удастся свергнуть царя или заставить его отречься, и который глубоко разочарован тем, что ему не дано было насладиться зрелищем унижения противника. Мы же знаем точно, что он глубоко ошибался. Дневники императора выдают чрезвычайное волнение. Именно в тот день он написал слова, которые так часто приводятся: «всюду вокруг трусость, обман и измена», — а на следующий день, в письме к жене, он замечает: «отчаяние, как будто, утихает».

Труднее, чем гучковский, понять комментарий Милюкова, который считает, что отречение за сына показывает только, как мало бывший император любил свою страну, раз ставил семейные соображения выше политических и патриотических. На самом же деле император не хотел доставлять думскому Комитету добавочных трудностей изменением условий отречения. Если бы представители Думы сочли, что трудности могут возникнуть, им бы и сказать об этом. Ведь никак нельзя было требовать в тот момент от человека в положении Николая II, чтобы он давал советы думскому Комитету, как им лучше удержать в руках только что вырванную у него власть, а тем более — как это сделать за счет покоя и сохранности его собственной семьи. Безосновательны все подозрения, что акт отречения подписан был с внутренними оговорками и нарочно был составлен в таких выражениях, которые делали его юридически уязвимым, а следовательно при первой возможности облегчали его отмену. Конечно, законность акта была спорной, но в тот момент это было вопросом чисто академическим. Основные законы не позволяли отречения за наследника престола, но они не предусматривали и отречения самого монарха. Акт отречения вносил изменение в конституционную структуру, такое изменение не было и не могло быть предусмотрено основными законами.

§ 8. Непосредственные результаты отречения.

Значение того, что произошло на запасном железнодорожном пути в Пскове ночью 2 марта, было неизмеримо и далеко превосходило воображение участников драмы. Отречение предотвратило немедленную вспышку гражданской войны, со всеми ее международными последствиями, но оно также выбило почву из-под ног всех военных и гражданских властей, т. е. всех тех, кто в других условиях как раз мог организовать сопротивление поднимающемуся валу революции. Единодушный восторг, с которым вся страна в последующие дни приветствовала революцию в Петрограде, не должен заставлять нас думать, что уже 2 марта сопротивляться революции было невозможно. На самом деле многие приняли революцию именно вследствие отречения: раз сам царь согласен с необходимостью изменений, что же могут сделать те, кто собирался переменам сопротивляться? И тогда, и после часто утверждали, что перед лицом народного недовольства сопротивление было невозможно, но у этого утверждения абсолютно нет оснований. Никаких признаков стихийного восстания не было нигде, кроме Петрограда, Москвы и непосредственных окрестностей столицы. Когда объявлено было о революции, люди приняли это, как известие о событии, в

котором они никакого прямого участия не принимали. Конечно, в Петрограде положение было иным. Обращаясь к царю в Пскове, Гучков в момент трезвой искренности сказал:

У всех рабочих и солдат, принимавших участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти — это расправа с ними, а потому нужна полная перемена. Нужен на народное воображение такой удар хлыста, который сразу переменял бы все. Я нахожу, что тот акт, на который вы решились (т.е. отречение) должен сопровождаться и назначением председателя Совета министров князя Львова³⁴.

Эти слова Гучкова освещают решающий фактор, о котором часто забывают. Гучковский «удар хлыста» предназначался не к тому, чтобы загнать обратно в берлогу зверя народной ярости, попробовавшего крови в Петрограде и еще больше того в Кронштадте. Наоборот, он должен был послужить гарантией безнаказанности для тех, кто прекрасно сознавал, что покусился на существующий порядок и что если порядок этот не будет изменен так глубоко, чтобы не оставалось и следа какой-либо правовой преемственности, то рано или поздно придется отвечать за сделанное. Более тонкое понимание психологии масс подсказало бы, что единственная возможность разбить заколдованный круг, в котором безнаказанные прошлые преступления ведут только к дальнейшим злодеяниям, — это устроить какой-либо обряд покаяния, либо в виде символического наказания, либо путем общественного примирения.

Трудно также понять задним числом, почему назначение князя Львова могло оказаться «ударом хлыста по общественному воображению». Популярность его в Думе была вне сомнений, вполне возможно также, что о нем слышали все члены Петроградского Совета. Но это далеко еще не означало, что он любим бунтующими солдатами и рабочими.

Слова Гучкова выдают, таким образом, его состояние — он был застигнут врасплох тем, что царь не выказал сопротивления идее отречения. Очевидно, представители Думы готовились к сражению, но готовы были в случае нужды и уступить, удовлетвоваввшись назначением кабинета под председательством Львова, без отречения. Это подтверждает и тот факт, что выходя из царского поезда, после того, как подписан был акт об отречении, Гучков сказал толпе, собравшейся в ожидании новостей: «Не беспокойтесь, господа. Император согласился на большее, чем мы ожидали». Рассказывая об этой сцене великому князю Андрею Владимировичу, Рузский не переставал изумляться. Очевидно, говорил он, представители Думы на

самом деле не ждали, что царь решил отречься. Может быть они настаивали на отречении, надеясь таким способом заставить императора назначить князя Львова³⁵.

Псковскую драму иногда называют революцией генерал-адъютантов. И в самом деле — нельзя недооценивать той роли, которую сыграли генералы Рузский и Алексеев. Телеграмма Алексеева главнокомандующим была сформулирована таким образом, что у них не оставалось другого выбора, как высказаться за отречение. В ней говорилось, что если главнокомандующие разделяют взгляд Алексеева и Родзянко, то им следует «телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству» об отречении. При этом ни слова не упоминалось о том, что следует делать, если они этого взгляда не разделяют. Не разделял его генерал Сахаров, заместитель командующего Румынским фронтом, он задержался ответить до тех пор, пока не высказались все остальные. Он считал требования председателя Думы «гнусными». Однако и он выступил адвокатом отречения, пока Дума, настаивая на своих преступных притязаниях — так он выражался, — не предъявила притязаний еще более гнусных. Сахаров не объясняет, что именно он имеет в виду, но, очевидно, думал он о двух вещах, которые никем упомянуты не были, хотя несомненно занимали многие умы. Во-первых, речь шла о безопасности императрицы и царских детей, которых болезнь держала в Царском Селе. Во-вторых, думали о том, что если армия откажется поддерживать требования общественных организаций, то последние могут прекратить снабжение армии. В связи с этим большое значение обретает тот факт, что 28 февраля Алексеев не захотел подчинить своей власти и военизировать железные дороги. Хоть он и не слишком сочувствовал замыслам либералов, признавая, тем не менее, полезность общественных организаций в работе по снабжению, но в критические дни, с 28 февраля по 2 марта, он поддержал именно их.

Прошло, однако, всего несколько часов после отречения — и Алексеев заколебался. В 6 часов утра 3 марта³⁶ в циркулярном сообщении всем главнокомандующим о событиях, последовавших вслед за отречением, Алексеев писал (телегр. 1918), что левые партии и рабочие депутаты оказывают мощное давление на председателя Думы, сообщения которого «недостаточно искренни и чистосердечны». Лукомский рассказывает, что, отправив телеграмму, Алексеев удалился в свой кабинет и сказал ему: «Я никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, что пошел за ними и что послал телеграмму об отречении императора главнокомандующим»³⁷. Это рассказ настолько поразительный, что в нем можно было бы и усомниться, если бы он полностью не подтверждался именно вышеупомянутой телеграммой № 1918. Дело в том, что как только стали ясны необратимые последствия

его поступка 2 марта, Алексеев понял, что в действиях своих основывался на неполной и искаженной информации о положении в Петрограде. Более того, он чувствовал, что его провели и заставили играть в чужой игре. Разочарование его было сильным и глубоким, не покидало его, верно, и чувство вины, хоть он и скрыл его от внешнего мира.

Но как же он мог дать так себя обмануть? Ведь он неплохо разбирался в людях и уже прежде имел дело с Родзянко. Возможно, объяснение — в собственном его характере. Он знал о заговорах против царя и скрывал это от него. Знание это, должно быть, сильно тяготило его совесть, так как, если бы гучковский переворот действительно произошел, он легко мог повести к цареубийству, за которое Алексеев оказался бы нравственно ответственным. Если же можно убедить императора отречься добровольно, то такая опасность тем самым предупреждается, и одновременно все военные и чиновники освобождаются от присяги. Он (а может быть и великий князь Николай Николаевич), по всей вероятности, видел в решении Родзянко возможность избавиться от ответственности, которая грозила стать невыносимой с точки зрения нравственной и религиозной. Это и объясняет готовность, с которой он принял «недостоверную информацию», полученную от Родзянко 1 марта.

Мельгунов теорию об «обманутых генералах» считал преувеличением. Он полагал, что генералы прекрасно понимали, что Дума не имеет никакой власти над революционным движением. Ибо непоследовательность Родзянко, который одновременно и настаивает, чтобы выполняли его указания, и говорит, что боится ареста, не могла не возбудить подозрений.

Может быть Мельгунов и прав. Но в одном генералов бесспорно обманули: они действительно верили, что Родзянко нужно правительство, ответственное перед Думой, что он не позволит, чтобы вся власть — законодательная, исполнительная и судебная — сосредоточена была в руках членов Временного правительства, над которыми не властна ни Дума, ни ее Комитет. Тому есть документальные доказательства. В архиве генерал-губернатора Финляндии в Хельсинки сохранился текст призыва главнокомандующего Северным фронтом Рузского к населению этой области. Призыв подписан был 4 марта и послан в Хельсинки, где его перевели на финский язык. Однако, с опубликованием его медлили, и в конце концов 7 марта, в 6 часов вечера, отменили. Текст этот тем не менее показывает, каково было, по мнению Рузского, «основное изменение», имевшее место во «внутреннем управлении нашей страной»:

«Исполнительная власть передана правительству, которое ответственно перед законодательными учреждениями и которое состоит из лиц, избранных народом и

объединяемых горячим желанием организовать внутреннюю жизнь страны и предоставить все необходимое для армии и для гражданского населения. В то же время члены Государственной Думы сформировали Комитет, чтобы создать новые основы управления страной. Великий князь Николай Николаевич, имя которого как военачальника известно каждому гражданину, вновь поставлен во главе армии».

После призыва к населению соблюдать порядок, чтобы не ставить под угрозу снабжение армии, после напоминания железнодорожным служащим об их патриотическом долге, Рузский заканчивает следующими словами:

«Пусть каждый гражданин исполнит свои обязанности максимально спокойно и неукоснительно, так чтобы в сотрудничестве с союзниками армия наша легче могла довести войну до победного конца и жизнь нашего государства могла развиваться в полном доверии к избранным представителям русского народа, членам Государственной Думы и ответственного перед ней правительства»¹.

Подписывая 4 марта этот призыв, Рузский должен был уже знать об отречении великого князя Михаила и о предложении созвать Учредительное Собрание. Однако ни об одном из этих фактов нет упоминания в его призыве. Все сказанное основано на информации, полученной от Родзянко в разговоре, который произошел 3 марта между 6 и 7 вечера по аппарату Хьюза.

Как только Родзянко узнал, что Николай II отрекся от престола за себя и за сына и что, следовательно, императором стал великий князь Михаил, он попросил и Алексева, и Рузского остановить обнародование подписанного в Пскове манифеста. Рано утром 3-го он передал Рузскому:

Дело в том, что с великим трудом удалось удержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы может быть, но воцарение его (т.е. великого князя), как императора, абсолютно неприемлемо.

Когда Рузский высказал неудовольствие по поводу того, что представители Думы не подняли этого вопроса накануне, Родзянко объяснил, что

депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые, конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики и которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь заявить. Только слышно было в толпе — «земли и воли»,

---

¹ Текст дается в обратном переводе.

«долой династию», «долой Романовых», «долой офицеров» и начались во многих местах избиения офицеров³⁸.

Никакого избиения офицеров не начиналось после отъезда представителей Думы, и, разумеется, никаких новых мятежей не было в Петрограде. Родзянко, однако, пошел еще дальше. Развивая тему неожиданного мужицкого восстания, он утверждал, что только обещание Учредительного собрания и успокоило страсти и что «только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла спокойно». У Рузского, по всей вероятности, были кое-какие сомнения по поводу полученной от Родзянко информации, и поэтому он выразил желание поговорить со Львовым, который, как ему было сказано, находился рядом с Родзянко. Но Родзянко отвечал, что все сказано и князь Львов ничего добавить не может,

оба мы твердо надеемся на Божью помощь, на величие и мощь России и на доблесть и стойкость армии, и, невзирая ни на какие препятствия, на победный конец войны.

Рузский, однако, не сдавался и хотел точно узнать, в руках каких людей и каких учреждений находится сейчас государственная власть. Ответ Родзянко гласил:

Все остается в таком виде: Верховный Совет; ответственное министерство; действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным собранием.

Рузский, никогда в жизни не слышавший о существовании Верховного Совета, как, впрочем, не слышал о нем никогда никто, спросил, кто стоит во главе его, на что Родзянко отвечал:

Я ошибся. Не Верховный Совет, а Временный Комитет Государственной Думы, под моим председательством³⁹.

Ничего нет удивительного в том, что Алексеев жаловался на недостаток искренности и чистосердечия в сообщениях председателя Думы. Лишь в последующие дни генералы поняли, что они не только не помогли Родзянко, на основании слов которого они действовали, укрепить свой авторитет и власть, но фактически содействовали созданию Временного правительства, не связанного никакой парламентской ответственностью и не способного (а также не намеренного) помешать революционному брожению кинуться на армию и фронт. Алексеев первым отдал себе

отчет в том, что случилось, и сразу же попытался созвать совещание главнокомандующих фронтами. Это могло повести к созданию военной «хунты», которая могла стать важным фактором последующих событий. Рузский, однако, не поддержал этой инициативы Алексеева. Он считал, что командующим армиями обстановка внутри страны мало известна и поэтому запрашивать их мнение излишне. Это на месяцы задержало независимое вмешательство армии в русскую революцию. Алексеев не настаивал на своем плане, потому что ждал приезда Верховного Главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича. Когда последний приехал, Алексееву уже сообщили о решении Временного правительства отменить его назначение, поскольку члены семьи Романовых лишены были права служить при новом строе. Великого князя попросили подать в отставку, что он немедленно и сделал, перестав заниматься общественными делами.

В переговорах между царем и депутатами Думы почти вовсе не была затронута тема дальнейшей судьбы царя и царской семьи. Вскоре после полуночи 3 марта императорский поезд двинулся в Могилев. Очевидно, император не настаивал на том, чтобы немедленно очистили путь в Царское Село. Его горячее желание соединиться с семьей как будто уступило желанию увидеть Ставку, попрощаться с генералами и встретиться с матерью, которая специально для этого приехала из Киева. По приезде его, как обычно, встретили начальник штаба Верховного и другие офицеры Ставки. На следующее утро состоялось обычное совещание с Алексеевым. Совершенно неизвестно, о чем они говорили. Мы знаем только, что Алексеев передал Временному правительству «просьбу» или «пожелание императора», чтобы ему разрешили вернуться в Царское Село, дожидаться там выздоровления детей, а затем чтобы позаботились о благополучном их проезде в Мурманск, чтобы оттуда уплыть в Англию. Правительство приняло все три пункта⁴⁰. Остальную часть своего пребывания в Ставке император провел главным образом в беседах с матерью, приехавшей туда 5 марта.

7-го в Могилеве ожидалась специальная комиссия во главе с Бубликовым. Она должна была доставить бывшего царя в Царское Село. Утром все офицеры Ставки и по одному солдату от каждой части собрались в зале губернаторского дома, где жил император. Произошла трогательная сцена прощания. Царь, преодолевая волнение, сказал несколько слов, прося всех присутствующих верно служить родине при новом правительстве. Алексеев со слезами на глазах пожелал ему счастья в его новой жизни. Император обнял его. Большинство присутствовавших плакало, кто-то потерял сознание.

Думские комиссары приехали в 3 часа дня и сообщили Алексееву, что Временное правительство постановило арестовать бывшего императора. Император уехал в Царское Село в одном поезде с думскими комиссарами и с отрядом из десяти солдат, которых отдал под их начальство генерал Алексеев. Император пригласил комиссаров на обед, но они отклонили приглашение.

Перед отъездом император издал прощальный приказ войскам, находившимся под его командованием два с половиной года. Он призывал их довести до полной победы эту небывалую войну... Кто думает теперь о мире, кто желает его, — тот изменник отечества. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу великую родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. По особому указанию нового военного министра, Гучкова, этот приказ, переданный во все штабы армий, не был ни прочитан войскам, ни опубликован в газетах. В книге «Судьба Николая II после отречения» Мельгунов комментирует так: «Прощальные слова прежнего Верховного Главнокомандующего не были опубликованы прессой в свободной стране, где провозглашена была свобода прессы, и несмотря на то, что царь призывал войска повиноваться временному революционному правительству»⁴¹.

§ 9. Мораль драмы.

Описывая псковскую драму, мы сознательно избегали объяснять неумолимый как будто ход событий, поведших к отречению Николая II, качествами его собственного характера. Слишком часто подобные ссылки скрывали предвзятость авторов. Милюков, например, настаивал, что в акте об отречении цесаревич был заменен великим князем Михаилом по коварному расчету. Такая замена, полагал Милюков, противоречащая законам, имела в виду последующую отмену документа. Много говорилось о «восточном фатализме» и об «упрямстве» (как об оборотной стороне слабоволия), которыми пытались объяснить многие поступки и решения Николая II. И почти не делалось попыток проанализировать характер императора в свете его биографии. Эта грандиозная задача выходит за пределы данной работы, однако хочется указать на некоторые стороны личности императора, которые особенно ярко проявились в последние дни его царствования.

Мы уже видели, что наружное спокойствие, с которым он принял вынужденное отречение, поразило даже самых близких наблюдателей как нечто почти противоестественное. Конечно, менее доброжелательные истолковали эту реакцию как

доказательство сухости и патологического бесчувствия. Мы знаем, однако, что это неправда и что когда он давал себе волю, чувства владели им не в меньшей степени, чем другими, а может быть и в большей. Можно только поражаться умению, с которым он скрывал отчаяние в те дни. Так что ссылки на бесчувственность — это абсолютная ложь.

Может быть, тут проявились высокомерие и умение владеть собой вполне естественные в таком высокопоставленном лице, да еще усовершенствованные многими годами придворного лицемерия? Нет сомнения, гордость и самообладание помогали Николаю II в критические минуты сохранять ту поразительную невозмутимость, которая приводила в замешательство и врагов его, и самых преданных слуг. Мы знаем, например, как неприятно ему было поведение Рузского в Пскове⁴², когда последний потерял терпение и довольно невежливо стал настаивать на необходимости немедленного решения. Тем не менее император никак не выразил Рузскому своего недовольства и не колеблясь проделал весь обряд благодарения «за верную службу», с положенными объятиями. «Царской выучкой» объяснить все это слишком просто, такое объяснение не удовлетворяет. Государь не замыкался в гордом одиночестве ни в те дни, ни в последующие долгие месяцы узничества и страданий. Наоборот, казалось, что бывшему царю после отречения стало легче общаться с людьми, с теми немногими, с кем ему приходилось встречаться и иметь дело.

Безмятежность Николая II после отречения просто сбивает с толку. Казалось, он один только и верил, что ему не нанесут никакого вреда и что волна народной ненависти к нему и его жене, усугубленная февралем, тем не менее никак не отразится на судьбе его семьи. Вокруг него все росло суеверное убеждение, что несчастный монарх, родившийся в день св. Иова, и начало царствования которого ознаменовалось Ходынкой, закончит жизнь ужасно, трагически. Было бы неудивительно, если бы упорные толки о назначенной ему трагической судьбе заставили Николая II погрузиться в обреченный пессимизм. Но этого не произошло. Поэтому приходится искать нравственные источники той силы, которая позволяла ему устоять перед непрекращающейся атакой на его невозмутимую стойкость. Сила эта исходила из убеждения, что все решения были им приняты с абсолютно чистой совестью.

В самом деле, пусть некоторые его решения были совершенно неправильны и неразумны, едва ли не все они, однако, диктовались высокими нравственными требованиями, которые предъявлял к себе Николай II. Этому противоречат (но не опровергают этого) обвинения в неискренности и двойственности, которые приписывали царю некоторые его министры. Когда он считал, что для блага

государства необходимо избавиться от того или иного своего советника, то часто прибегал к письменной форме, вместо того чтобы объясниться лично, т. е. иметь неизбежно неприятную встречу. Понятно, это порождало обиды. Неверно, однако, что он был неблагодарен и мстителен. Даже когда нападали на него лично, он очень мало и сдержанно использовал свою власть, чтобы отплатить за причиненное ему, по его мнению, зло. Он не удержался от вздоха облегчения, получив известие о смерти Витте, о котором знал, что тот за спиной его порочит. И Гучкову он ясно дал понять свое мнение о нем, узнав, что последний оскорбил честь его жены⁴³. Но он никогда не опускался до использования своей власти для того, чтобы подрывать общественное (а в случае Гучкова и официальное) положение таких личных сверх-врагов, хотя это и нетрудно было сделать. Наивные и несколько истерические намеки в письмах к нему императрицы (что Гучкова можно было бы устранить) не находили у императора никакого отклика. Николай II не допускал сознательного подчинения своих решений гневу или страху, да по всей вероятности и другим страстям.

Его ясное равновесие основано было на убеждении в том, что сердце его — которое, как он считал, «в руках Господних» — чисто. В этом смысле в личности императора был некий элемент святости, который можно разглядеть в достоинстве и терпении, с которыми он перенес заточение, вплоть до убийства 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. Но именно эта склонность к святости, сознательная и намеренная, одновременно представляла собой главную слабость его характера. Он не был мистиком, который повсюду видит знаки и предзнаменования, вера его была гораздо более глубоко этична, чем вера его жены. Однако христианская этика, так, как он ее понимал, и как она понималась русской христианской мыслью XIX века, была той этикой, из которой родился у Достоевского князь Мышкин. Как и в случае Мышкина, строгое соблюдение Николаем II велений совести при принятии всякого решения оказывалось удивительно бесполезным, не потому, что совесть его была нечиста, а потому, что он верил в некую как бы волшебную и неизбежную победу справедливых решений просто в силу их справедливости. А это ошибка, так же, как ошибочно верить, что правда восторжествует среди людей просто потому, что она — правда. Это ложное толкование христианской этики есть корень «нравственного разоружения» (подобно толстовской теории о непротивлении злу), которое характерно для русской мысли того времени. Хотя Николай II в настоящем смысле слова не был ни толстовцем, ни фаталистом, он полагал, однако, что в состязании воля победа в конце концов будет за тем, кто выбрал справедливое решение, не потому, что он сумел воплотить его в жизнь, а просто силой самой справедливости. Эта сила справедливости неопределенно

называлась «Божьей помощью» или «правдой», и царская «правда» была ее сгущенным вариантом.

Этот взгляд на жизнь, основанный на вере в имманентную силу нравственности, был особенно опасен в таком человеке, каким был царь, который и вообще склонен был считать, что всякое движение его сердца прямо вдохновляется Богом. Мы наблюдаем подобную же уверенность у миллионов людей, на ней основаны вероучения множества сект. У самодержца такое убеждение рационально легче оправдать, а в России оно еще к тому же опиралось на давнюю историческую традицию. Исключительное положение монарха в российском государстве и обществе как будто делало его неуязвимым для таких искушений, как карьеризм, искание славы и богатства. Когда при Александре III вошли в обиход строгие викторианские нормы семейной жизни (если не в высшем обществе, то во всяком случае в узком кругу императорской семьи), отпало и много других искушений плоти. Выходило так, что самодержавие как институт дает самые благоприятные условия для воспитания личности, совершенно чуждой стяжательству и низким инстинктам, той личности, о которой думал Достоевский, создавая своих положительных героев: от князя Мышкина до Алеши Карамазова.

Таким образом, самодержавие создало основу твердой веры Николая II в собственную почти непогрешимость. А разделять с кем-то свою самодержавную власть — означало подвергаться искушениям, без уверенности, что он сможет им противостоять. Соединенная с мистической верой в торжество справедливости, такая вера в то, что сам Бог вдохновляет его, имела тяжелые последствия в условиях быстро меняющегося общества, которым он призван был управлять. Вера эта отравляла его отношения с людьми, у которых он просил совета, или скорее делал вид, что просит (на самом деле Николай II таким образом осведомлялся о взглядах своих советников). Вера в свой привилегированный нравственный статус не позволяла ему поручать какие-либо решения министрам или следовать их совету, даже если они знали о деле больше, чем он. Императрица не составляла исключения. Ей надо было много и долго бороться, как мы видим из ее писем, чтобы добиться своего в тех случаях, когда она не соглашалась с решениями императора, и далеко не всегда ей это удавалось.

В одном из самых последних сохранившихся свидетельств о политических взглядах императора — разговор с Рузским вечером 1 марта 1917 года — он еще раз объяснил, почему он так против введения парламентского строя в России. Он говорил, что при парламентском строе он, может быть, и будет свободен от политической ответственности за действия министров, но никоим образом не избежит от

нравственной ответственности за то, что отдал власть не контролируемому им правительству. Кроме того, он был проникнут глубоким недоверием к способностям, уму и политической порядочности тех людей, которые, как считалось, пользуются «общественным доверием».

Нечего удивляться поэтому, что отречение представлялось Николаю II предпочтительнее натянутого компромисса, на который он согласился в минуту нравственной слабости вечером 1 марта. С его точки зрения, полный уход с общественной сцены был гораздо лучше, чем молчаливое согласие с той катастрофической политикой, которую, по его глубокому убеждению, будут вести все «пользующиеся общественным доверием» люди. Однако и отречение 2 марта не было нравственно безупречно, поскольку в решение, которое, по его словам, продиктовано было исключительно любовью к «матушке-России» и готовностью к жертве, вкрались личные соображения. Он отрекся за Алексея, в пользу брата, после того, как врач его подтвердил, что состояние здоровья наследника безнадежно. Он, конечно, никак не мог ждать, что великий князь Михаил, который всего лишь три дня назад отважно предложил взять на себя управление государством и разрешить кризис, в свою очередь отречется. Характерным для него образом Николай отметил в своем дневнике (3 марта 1917), что брат его уступает требованию созыва Учредительного собрания, добавив: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость».

Однако Николай вряд ли мог не сознавать, что, кто бы ни были эти искусители, все же именно на него падала ответственность за испытание, которому подвергся Михаил и которое было ему абсолютно не под силу. Этим объясняется странный инцидент, вызвавший большое смятение в умах даже самых осторожных историков, впоследствии пытавшихся восстановить ход событий. Согласно мемуарам Деникина, Алексеев доверительно сообщил ему, что через несколько дней после отречения император, еще находившийся в Ставке, сказал ему, что переменяет решение и просит известить Временное правительство, что он теперь хочет отречься в пользу сына. Николай II дал Алексееву соответствующую телеграмму, адресованную Временному правительству. Телеграмма так никогда и не была отправлена, а осталась в архиве Верховного Главнокомандования. Мельгунов подвергает сомнению рассказ Деникина. Он указывает на то, что телеграмма с извещением об отречении в пользу сына составлена была Николаем II сразу после полудня 2 марта в Пскове, но послана не была, впоследствии советские историки обнаружили ее в архивах Ставки⁴⁴. Когда в тот же день прибыли представители Думы, Николай II уже переменяет решение и объявил об отречении в пользу брата. Мельгунов считает, что телеграмма, о которой Алексеев

говорил Деникину, была именно та, которую император составил 2 марта, и что Деникин спутал или забыл, как на самом деле шел его разговор с Алексеевым. Сомнения и предположения Мельгунова представляются вполне разумными, хотя Деникин и настаивал, что рассказывает то, что совершенно точно помнит.

Офицер, занимавшийся в Ставке связью, некий полковник Тихобразов, оставил записки о последних днях императора в Ставке⁴⁵. Он вспоминает, что бывший император, продолжавший привычные посещения Алексева и после отречения, 4 марта заговорил о том, что надо послать телеграмму Временному правительству. В этой телеграмме он давал согласие на то, чтобы царем стал Алексей. Поскольку акты об отречении как Николая II, так и Михаила уже были опубликованы, Алексеев отказался телеграмму отправить, говоря, что это обоим их сделает смешными. Николай II несколько времени простоял в нерешительности, а затем попросил Алексева телеграмму все же отправить. Он задумчиво пошел вниз, остановился на секунду, как будто собирался вернуться, но передумал и быстро направился к себе в губернаторский дом.

Рассказ Тихобразова освещает некую черту в характере императора, которая оставалась загадкой не только для Мельгунова, но и для многих, близко знавших Николая II. Верный себе, император сделал последнюю попытку исправить сделанную ошибку и таким образом снять бремя со своей совести. Ему все равно было, что это сделает его смешным и что попытка обречена на неудачу. Не надуманная святость творит чудеса. Святость же, которая есть следствие сознательного стремления к чистоте сердечной, ведет к личным, а в данном случае и к общественным бедам.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 12

¹ Военный министр сообщал по телеграфу: «Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие». Беляев. 196. Эта телеграмма послана была в 1.15 дня 27 февраля.

² Мельгунов полагает, что телеграммы эти не дошли до императора до отъезда его из Ставки. Спиридович же, черпавший сведения в придворных кругах, считает, что они были получены. См.: Мельгунов. Мартовские дни 1917 года, стр. 154. — Спиридович. Великая Война... (см. прим. 1 к гл. 6), т. 3, стр. 176.

³ См. обмен телеграммами между Родзянко и Рузским. — АРР, III, стр. 247.

⁴ По Мельгунову (Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, стр. 94), Иванов рассчитывал иметь 13 батальонов, 16 эскадронов и 4 батареи. Военные документы показывают,

что главнокомандующим Северного и Западного фронтов был отдан приказ послать 2 кавалерийских и 2 пехотных полка — под началом энергичных, дельных и решительных генералов. Кроме того, с каждого фронта приказывалось послать по пулеметной команде, они должны были присоединиться к Георгиевскому батальону (численностью до 800 человек), который отправлялся с генералом Ивановым. Приказ был отдан между 9 и 10 часами вечера 27 февраля.

⁵ Мы не обсуждаем противоречивые свидетельства о том, как генералы относились к вопросу отъезда (тут все в основном строится на воспоминаниях Воейкова). Они продиктованы глубокой враждебностью к Алексееву и не подтверждаются объективными данными.

⁶ Приказ был подписан поручиком Грековым. Однако впоследствии, когда заместитель Бубликова Ломоносов стал разыскивать Грекова на Николаевском вокзале, оказалось, что он исчез, и никто никогда больше ничего о нем не слышал.

⁷ Дубенский, ук. соч. (см. прим. 42 к гл. 9), стр. 45.

⁸ Ген. Лукомский. Из воспоминаний. АРР, II, стр. 21.

⁹ Н. Воронович. Записки председателя совета солдатских депутатов. «Архив Гражданской войны», Берлин, 1922, т. II, стр. 31.

¹⁰ Спиридович. Великая Война..., т. 3, стр. 240.

¹¹ См. стр. 321.

¹² В.В. Шульгин. Дни. Белград, 1925, стр. 214.

¹³ Sic! За сутки до этого разговора Родзянко приказал Бубликову задержать императорский поезд в Бологом, и весь день 1 марта заместитель Бубликова Ломоносов пытался выполнить это распоряжение, передавая инструкцию саботировать нормальное продвижение литерных поездов.

¹⁴ АРР, III, стр. 255.

¹⁵ Этот слух шел, конечно, от вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которой, нет сомнения, Николай II во время их длительного свидания в Могилеве, уже после отречения, подробно рассказывал обо всем, что произошло в Пскове. — См. Шаховской, ук. соч. (см. прим. 4 к гл. 7), стр. 201.

¹⁶ Дневник великого князя Андрея Владимировича. Л.-М., 1925.

С.Н. Вильчковский. Пребывание государя императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 года, по рассказу генерал-адъютанта Н.В. Рузского. — «Русская Летопись», Париж, 1922, III, стр. 161–187.

¹⁷ На следующий день Рузский сказал представителям Думы: «Дело это [т.е. отречение] решенное, но вчера было трудно, разразилась буря». — Шульгин, ук. соч., стр. 269.

¹⁸ Был ли тут намек на сговор?

¹⁹ «Иванов, сообразив обстановку, решил: опубликовать приказ о своем прибытии, сделать Царское Село местом своего штаба и призвать всех оставшихся еще верными государю

офицеров и солдат собираться к нему, задержанные же [по приказанию Бубликова] ... эшелоны привести в Царское походным порядком»: — Спиридович, ук. соч. (см. прим. 1 к гл. 6), т. 3, стр. 221.

²⁰ В этой части полностью совпадают документы, опубликованные ген. Лукомским в АРР (II, стр. 255-258), и документы, переданные Рузским ген. Вильчковскому и опубликованные в «Русской Летописи» (III, 1922, стр. 124-133). Отсутствие этих данных — примечательное упущение в книге Броудера и Керенского «Российское Временное правительство» (R. P. Browder, A.F. Kerensky. The Russian Provisional Government 1917. 3 vols. Stanford University Press, 1961).

²¹ Родзянко как будто забыл свои негодующие протесты Хабалову относительно стрельбы по толпе. См. гл. 10, § 3.

²² Этот предел, надо заметить, был достигнут уже давно — в письмах жены Родзянко и кн. Юсуповой. См. гл. 8, § 3.

²³ См. гл. 11, § 6.

²⁴ АРР, III, стр. 261.

²⁵ Милюков, правда, пишет, что убеждал представителей Совета опустить их формулировку, что создание Временного правительства не предопределяет будущей формы правления, т.е. будет ли Россия монархией или республикой. В «Истории второй русской революции» (София, 1921–1923, стр. 46) Милюков утверждал, что в его намерения входило обеспечить регентство великого князя Михаила. Стало быть, во всяком случае не *ultra vires* действовал думский Комитет, посылая своих представителей к царю обсуждать такое решение вопроса.

²⁶ Шульгин, ук. соч., стр. 196.

²⁷ См. гл. 8, § 5.

²⁸ См. дневник ген. Поливанова, 18 февраля 1912, привед. у Мельгунова — «Мартовские дни 1917 года», стр. 186.

²⁹ См. гл. 8, § 5.

³⁰ См. его многоречивый рассказ в показаниях, данных 2 августа 1917 Муравьевской комиссии. — Падение..., 6.

³¹ P. Bailey. The Conspirators. New York, 1960. Скоблин, в прошлом храбрый офицер Белой армии, в какой-то момент стал чрезвычайно удачливым агентом НКВД.

³² См.: СП. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, стр. 193.

³³ В показаниях Муравьевской комиссии Гучков утверждал, что в своем ответе он указал на неизбежность разлуки сына и родителей, потому что «никто не осмелится доверить судьбу и воспитание будущего монарха тем, кто привел страну в теперешнее ее состояние». Сомнительно, чтобы он выразился именно так. Все свидетели разговора сходятся в том, что тон его исключал возможность каких бы то ни было попреков. Вообще же восстановить сцену в

Пскове — психологически нелегкая задача. В нашем кратком изложении мы в значительной степени следовали мастерскому анализу Мельгунова (Мартовские дни..., стр. 189–202).

³⁴ См.: Мельгунов. Мартовские дни..., стр. 193.

³⁵ Там же, стр. 71.

³⁶ Та же телеграмма у Лукомского помечена 7 ч. утра. — См. АРР, III, стр. 268 и далее.

³⁷ Там же.

³⁸ Ссылка Родзянко на взрыв новых беспорядков в Петрограде не могла быть основана на сообщениях из Гельсингфорса и Кронштадта о все более напряженном положении в балтийском флоте, которое привело к избиению офицеров. Известия об этом получены были Думой (вызвав там полный ужас) лишь во второй половине дня 3 марта. Положение в Петрограде было совершенно иным, чем в балтийском флоте. См. анализ Мельгунова о противоречивых свидетельствах относительно положения в Петрограде — «Мартовские дни...», стр. 73–92. О волнениях в балтийском флоте — там же, стр. 262–269.

³⁹ См. гл. 15, § 1.

⁴⁰ См. «Красный Архив», XXII, (1927), стр. 53–54, а также: Browder & Kerensky, *op. cit.*, I, pp. 177 ff.

⁴¹ С.П. Мельгунов. Судьба Николая II после отречения. Париж, 1951, стр. 40.

⁴² См. гл. 12, § 3.

⁴³ См. гл. 8, § 5 и гл. 12, § 6.

⁴⁴ Эта телеграмма (с факсимиле) впервые была опубликована Мартыновым — ук. соч. (см. прим. 31 к гл. 9), стр. 158.

⁴⁵ Воспоминания полковника Д.Н. Тихобразова хранятся в Русском Архиве Колумбийского университета.